

СЬЮ МОНК КИДД

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ПЧЕЛ

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

ПРОДАНО СЫШЕ
6 МИЛЛИОНОВ
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ПЕРЕВЕДЕН
НА 36 ЯЗЫКОВ

Best Book Awards. 100 книг, которые вошли в историю

Сью Кидд

Тайная жизнь пчел

«ЭКСМО»

2002

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кидд С. М.

Тайная жизнь пчел / С. М. Кидд — «Эксмо», 2002 — (Best Book Awards. 100 книг, которые вошли в историю)

ISBN 978-5-04-169274-2

2 июля 1964 года. В США принят Закон о гражданских правах, запрещающий расовую дискриминацию. Лили Оуэнс из Южной Каролины исполняется 14 лет, и вся ее жизнь складывается вокруг смутных воспоминаний о том дне, когда была убита ее мать. Она живет с темнокожей няней Розалин и жестоким отцом, который за каждую провинность заставляет ее часами стоять на кукурузе. Когда Розалин оскорбляет троих самых закоренелых расистов в городе, Лили решает бежать: она от деспотичного отца, Розалин — от несправедливости. Вместе они направляются в Тайбурон — город, хранящий тайну прошлого ее матери. Многомиллионный бестселлер о путешествии молодой девушки к исцелению и преобразующей силе любви.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-169274-2

© Кидд С. М., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Тайная жизнь пчел	7
Благодарности	8
Вступление	9
Глава первая	10
Глава вторая	30
Глава третья	44
Глава четвертая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сью Монк Кидд

Тайная жизнь пчел

Sue Monk Kidd

THE SECRET LIFE OF BEES

Copyright © Sue Monk Kidd Ltd., 2002

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Viking, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

В коллаже на обложке использованы фотографии и иллюстрации:

Paradise studio, KatyArtDesign, moopsi, Pixel Robot, Sadovnikova Olga, Ant_art / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

Alina Briazgunova / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«Сью Монк Кидд написала триумфальный роман о взрослении, о всеобщей человеческой потребности в любви».

– *New Orleans Times-Picayune*

«Глубокое погружение... Целый рой привлекательных женских персонажей, неизбитый сюжет и чудесный стиль».

– *Publishers Weekly*

«Кидд словно дала с собой целый пакет лакомств, и ты такая: “Ой, да я столько не съем!” – а потом слопала все до последней крошки в машине по пути домой».

– *Entertainment Weekly*

«Может быть, на свете действительно нет идеальных книг, но эту я закрыла с полной убежденностью, что нашла совершенство».

– *Book magazine*

«“Тайная жизнь пчел” доказывает, что семью можно обрести там, где меньше всего ожидаешь ее найти, – пусть не в собственном доме, а в том волшебном месте, где живет любовь. “Тайная жизнь пчел” – это дар, наполненный любовью».

– *Луанн Райс*

«Метафоры ошеломительны, персонажи реалистичны и настолько трогательны, что на глаза наворачиваются слезы».

– *Library Journal*

«Вам захочется проглотить эту книгу за один вечер. Сдерживайтесь! Прекрасный язык и идеальное повествование великолепно написанной истории заслуживают большего. [Она] достойна неторопливости и смакования».

– *Southern Living*

«Книга, достойная обсуждения».

– *People*

«Используя задушевную манеру мемуариста и удивительное чувство места, свойственное ей как южанке, Сью Монк Кидд написала историю о прощении для оставшегося без матери ребенка в каждом из нас».

– *Шелби Хирон*

«История об искуплении... которая обещает заполнить часть дыр, проделанных в нас жизнью».

– *Virginian Pilot*

«Сью Монк Кидд написала замечательный роман о матерях, дочерях и трансцендентной силе любви, одновременно мастерски освещая женский лик Бога».

– *Конни Мэй Фаулер*

«Обладая воображением таким же пышным и красочным, как и сам американский Юг, Сью Монк Кидд создает дивный материнский рай в этом суровом мире».

– *Кристина Шварц*

«Эти главы... танцуют на гранях “магического реализма”, того смешения чудесного и обыденного, которое способно украсить повествование ощущением чуда, – что и происходит в этой книге».

– *Richmond Times-Dispatch*

«Остается только удивляться тому, что эта трогательная, оригинальная и талантливая книга – первый роман автора. Он изумительно написан, силен, трогателен и юмористичен – и вкусно эксцентричен. Пожалуйста, прочтите его!»

– *Джоанна Троллоп*

«Сильная история... Еще до конца первой главы я успела сжаться от ужаса, поплакать и посмеяться. А еще я была заморожена и понимала, что мне придется проделать весь путь с Лили, ее милой опекушкой Розалин и чудесными “календарными сестрами”...»

– *The State (Колумбия, Южная Каролина)*

«Читать такие произведения – беспримесная радость».

– *Time Out New York*

Тайная жизнь пчел

Дебютный роман Сью Монк Кидд «Тайная жизнь пчел» больше ста недель входил в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», был продан в США общим тиражом свыше шести миллионов экземпляров, по его мотивам был создан художественный фильм, отмеченный наградами, и мюзикл; кроме того, он был переведен на 36 языков. Ее второй роман «Русалочье кресло» был бестселлером номер один, по версии «Нью-Йорк таймс», по нему снят телефильм. Третий роман Кидд, «Изобретение крыльев», избранный для представления в «Книжном клубе Опри, версия 2.0», тоже стал первым номером в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Кидд является автором нескольких получивших признание критиков книг воспоминаний, в их числе «Танец дочери диссидента», революционная работа о религии и феминизме, и бестселлер «Нью-Йорк таймс» «Путешествие с гранатами», написанный совместно с дочерью, Энн Кидд Тейлор. Сью Монк Кидд живет в Северной Каролине.

*Моему сыну Бобу,
а также Энн и Сэнди —
со всей любовью.*

Благодарности

Я глубоко благодарна всем: моим агентам, Дженнифер Рудольф Уолш и Вирджинии Барбер, за изумительную поддержку и защиту этого романа. Моему редактору Памеле Дорман, чье блестящее руководство и вдумчивая работа имели решающее значение. Сотрудникам издательства Viking, которые старательно трудились ради этой книги, – Сюзан Петерсен Кеннеди, Клэр Ферраро, Нэнси Шеппард, Кэролин Коулберн, Луизе Браверман, Полу Словаку, Ли Батлер, Хэлу Фессендену, Карле Болт, Полу Бакли, Розанне Серра, Брюсу Гиффордсу, Морин Саджен, Энн Ма, Лоре Тисдел и всем сотрудникам отдела продаж, которые так меня поддерживали. Дейву и Дженис Грин, преданным пчеловодам с пасеки Pot o'Gold Honey Company в Хемингуэе, штат Южная Каролина, которые привели меня в свой мир пчел и оказали неоценимую помощь. Poets & Writers, Inc. за превосходную программу Writers Exchange, предоставившую мне такие важные и своевременные возможности в отношении этого романа. Nimrod, литературному журналу, опубликовавшему мой рассказ «Тайная жизнь пчел» (номер осень/зима 1993 года), на котором основана первая глава книги, дав мне то ободрение, в котором я нуждалась, чтобы развить эту историю в роман. Дебби Дэниел, писательнице и подруге, которая читала первые главы книги и делилась своими соображениями. Энн Кидд Тейлор, которая читала рукопись по мере написания и обеспечивала меня превосходными отзывами и помощью. Терри Хелвиг, Трише Синнотт, Керли Кларку, Кэролин Риверс, Сюзан Халл Уокер, Кэрол Граф, Донне Фармер и Линн Рейвенел – выдающимся женщинам, которые видели меня насквозь. Моей замечательной семье, которая так меня поддерживала, – Бобу, Энн, Скотту, Келли, Рокси, Бену, Максу, моим родителям (совершенно не похожим на родителей из этого романа). И, самое главное, моему мужу Сэнди, а причин для благодарности у меня больше, чем я смогу назвать.

Вступление

Августа сказала:

– А теперь послушай меня, Лили. Я скажу тебе кое-что и хочу, чтобы ты всегда это помнила. Договорились?

Ее лицо сделалось серьезным, сосредоточенным. Глаза смотрели на меня не моргая.

– Договорились, – ответила я, ощутив, как электрический разряд скользнул вдоль моего позвоночника.

– Мадонна – это не какое-то там волшебное существо вроде феи-крестной. Она – не статуя в «зале». Она – то, что внутри тебя. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Мадонна внутри меня, – послушно повторила я, совсем в этом не уверенная.

– Ты должна найти мать внутри себя. Все мы это делаем. Даже если у нас уже есть мать, нам все равно нужно найти внутри эту часть самих себя.

Глава первая

Царица пчел, со своей стороны, является объединяющей силой сообщества; если удалить ее из улья, рабочие пчелы очень быстро ощутят ее пропажу. Через пару часов или даже раньше они демонстрируют признаки, безошибочно указывающие на отсутствие матки.

«Человек и насекомые»

По вечерам я лежала в постели и смотрела представление: пчелы протискивались в щели в стене моей спальни и кружили по комнате, издавая характерный звук работающего пропеллера, звонкое *ж-ж-ж-ж-ж*, в такт которому гудела моя кожа. Я видела, как сияли в темноте их крылышки, точно хромированные, и чувствовала, как в моей груди нарастала тоска. Эти пчелы даже не искали цветы – они просто летали, чтобы почувствовать ветерок, и от этого зрелища сердце мое рвалось на части.

Днем я слышала, как они рыли ходы в стенах моей спальни – звук был, как у радиоприемника в соседней комнате, настроенного на статический шум, – и представляла, как стены превращаются в соты, текущие медом: подставляй язык да пробуй.

Эти пчелы появились летом 1964 года – тем летом, когда мне исполнилось четырнадцать и жизнь моя понеслась по совершенно новой орбите. Вот-вот, иначе и не скажешь – по *совершенно новой орбите*. Теперь, оглядываясь на то время, мне хочется сказать, что эти пчелы были посланы мне. Мне хочется сказать, что они явились мне, как архангел Гавриил явился Деве Марии, приведя события в движение. Знаю, знаю, это самонадеянно – сравнивать мою маленькую жизнь с жизнью Богородицы, но у меня есть причина полагать, что она не стала бы возражать; потом расскажу какая. А пока достаточно будет сказать, что вопреки всему, что произошло тем летом, я продолжаю питать к пчелам сердечную нежность.

1 июля 1964 года. Лежу в постели, дожидаясь появления пчел, и думаю о том, что сказала Розалин, когда я описала ей их ежевечерние визиты.

– Пчелы роятся перед смертью, – вот что сказала она.

Розалин работала у нас с тех пор, как умерла моя мать. Мой папочка – я называла его Ти-Рэй¹, слово «папочка» с ним никак не вязалось – сманил ее из персиковых садов, где она трудилась сборщицей урожая. У нее было большое круглое лицо, тело, расхлывшееся вниз от шеи таким шатром, и кожа такая черная, что казалось, из нее сочилась сама ночь. Она жила одна в маленьком домике, укрытом в лесу неподалеку от нас, и каждый день приходила готовить, убирать и заменять мне мать. У Розалин никогда не было своих детей, так что в последние десять лет я была ее любимой подопытной морской свинкой.

---

¹ Возможно, автор назвала героя по аналогии с вымышленным суперзлодеем из Marvel Comics. – См. прим.

Пчелы роятся перед смертью. У Розалин было полно таких завиральных идей, и обычно я не обращала на них внимания. Но сейчас я лежала и обдумывала ее слова, гадая, не по мою ли грядущую смерть прилетали пчелы. Честно говоря, эта мысль не сильно меня взволновала. Все эти пчелы до одной могли бы опуститься на меня, точно стайка ангелов, и зажалить до смерти, и это было бы не самым худшим из того, что могло случиться. Люди, которые думают, что хуже смерти ничего на свете нет, мало что понимают в жизни.

Моя мать умерла, когда мне было четыре года. Это был реальный жизненный факт, но если я заговаривала о нем, моих собеседников внезапно начинали страшно интересоваться заусенцы и кожица на ногтях, а то и вовсе небесные дали, и они временно переставали меня слышать. Однако порой какая-нибудь добрая душа советовала: «Просто выброси это из головы, Лили. Это был несчастный случай. Ты ничего такого не хотела».

Тем вечером я лежала в постели и думала о том, как умру и буду с матерью в раю. Я встретила бы ее словами: «Мамочка, прости! Пожалуйста, прости!» – а она целовала бы меня до тех пор, пока у меня не потрескается кожа, и говорила бы, что я не виновата. Она говорила бы мне это все первые десять тысяч лет.

А следующие десять тысяч лет она причесывала бы мои волосы. Она возводила бы из них прекрасную башню, и весь народ на небесах бросал бы свои арфы, чтобы ею полюбоваться. Девочек, у которых нет матери, можно отличить по прическам. Мои волосы постоянно торчали сразу в одиннадцать разных сторон, а Ти-Рэй, естественно, отказывался покупать мне бигуди, так что весь год приходилось накручивать пряди на банки из-под виноградного сока, из-за чего у меня едва не началась хроническая бессонница. Сколько себя помню, мне всегда приходилось выбирать между приличной прической и крепким ночным сном.

По моим прикидкам, примерно четыре-пять столетий пришлось бы потратить на рассказ о том, какое это невероятное мучение – жить с Ти-Рэем. Злобным нравом он отличался круглый год, но становился особенно раздражительным летом, когда от рассвета до заката трудился в персиковых садах. Большую часть времени я старалась не путаться у него под ногами. Единственным живым существом, выдающим от него ласку, была Снаут, охотничья собака. Он пускал ее спать в свою постель и чесал ей пузо всякий раз, как она переворачивалась на спину, заросшую проволочно-жесткой шерстью. Как-то раз Снаут на моих глазах описала сапог Ти-Рэя, а он и глазом не моргнул.

Я не раз просила Бога сделать что-нибудь с Ти-Рэем. Он сорок лет ходил в церковь, да только добрее не становился. Казалось бы, Бог мог уже сделать из этого какие-то выводы.

Я пинком откинула одеяло. В комнате было абсолютно тихо; нигде ни одной пчелы. Я каждую минуту поглядывала на будильник, стоявший на тумбочке, и гадала, почему они задерживаются.

Наконец ближе к полуночи, когда мои веки уже почти смыкались, не выдержав напряжения, в углу зародился рокочущий шум, низкий и вибрирующий, почти такой же, какой издает тарахтящая кошка. Еще пара мгновений – и по стенам задвигались тени, точно брызги краски. Пролетая мимо окна, они попадали в полосу света, так что видны становились очертания крыльшек. Этот звук нарастал в темноте, пока вся комната не начала пульсировать, пока сам воздух не ожил и не потяжелел от пчел. Они нарезали круги вокруг моего тела, превратив его в самый центр вихревого облака. Из-за пчелиного гудения я даже мыслей своих не слышала.

Я впивалась ногтями в ладони, пока вся кожа не покрылась вдавленками. Если окажешься в помещении, полном пчел, то они вполне могут зажалить тебя до полусмерти.

Все же зрелище *было* потрясающее! И вдруг я поняла, что не вынесу, если не смогу никому это показать, пусть даже единственная живая душа поблизости – это Ти-Рэй. И если бы его по чистой случайности покусала пара сотен пчел... ну, жаль, но ничем не могу помочь.

Я осторожно выбралась из-под одеяла и метнулась сквозь пчелиную тучу к двери. Забегав в спальню Ти-Рэя, стала будить его, тыкая одним пальцем в плечо. Поначалу тихонько,

потом все смелее и сильнее, пока мой палец не начал вонзаться в его плоть, и я мельком подивилась ее жесткости.

Ти-Рэй вскочил с постели. На нем не было ничего, кроме трусов. Я потащила его к своей комнате, и он по дороге рычал, что я пожалею, если причина пробуждения окажется менее серьезной, чем, скажем, пожар в доме, а Снаут заливалась лаем, словно мы шли охотиться на голубей.

– Пчелы! – выкрикнула я. – У меня в комнате целый рой пчел!

Но когда мы распахнули дверь, пчелы снова исчезли в стене, словно догадались, что идет Ти-Рэй, и не хотели метать перед ним бисер, демонстрируя фигуры высшего пилотажа.

– Разрази меня гром, Лили, это не смешно!

Я осмотрела стены. Залезла под кровать и, шаря там, мысленно молилась о том, чтобы в пыли и пружинах нашлась хоть одна пчелка.

– Они были здесь, – упрямо сказала я. – Летали повсюду.

– Ага, и вместе с ними богом проклятое стадо буйволов, да-да!

– Прислушайся, – попросила я. – Ты услышишь, как они жужжат.

Он прислонился ухом к стене с напускной серьезностью.

– Не слышу никакого жужжания, – сказал он и выразительно покрутил пальцем у виска. – Наверное, они вылетели из тех часов с кукушкой, которые у тебя вместо мозгов. Вот только разбуди меня еще раз, Лили, и я достану крупу, поняла меня?

Стояние на крупе было родом наказания, додуматься до которого мог только Ти-Рэй. Я тут же захлопнула рот.

И все же я не могла просто взять и забыть об этом – о том, что Ти-Рэй думает, будто я настолько отчаялась, что даже придумала нашествие пчел, лишь бы добиться его внимания. Вот так у меня и появилась хитроумная идея: наловить полную банку этих самых пчел, предъявить ее Ти-Рэю и сказать: «Ну, кто тут что выдумывает?»

Моим первым и единственным воспоминанием о матери был день, когда она умерла. Я долгое время пыталась представить ее до этого дня, хоть малость какую – например, как она укладывает меня спать, читает о приключениях дядюшки Уиггли или в морозное утро развешивает мое белье у комнатного обогревателя. Да я была бы рада даже вспомнить, как она обламывает ветку форзиции и стегает меня по ногам!

Умерла она 3 декабря 1954 года. Печь в тот день раскалила воздух настолько, что мать стянула с себя свитер и стояла в одной рубашке с коротким рукавом, дергая ручку окна в спальне, намертво залипшего в раме из-за краски.

Наконец она сдалась и сказала:

– Что ж, ладно, тогда просто угорим здесь к чертовой матери, да и все!

Волосы у нее были черные и густые, крупными кудрями обрамляли лицо – лицо, которое я никак не могла увидеть в своем воспоминании ясно, несмотря на резкую отчетливость всего остального.

Я потянулась к ней, и она подняла меня на руки, ворча, что я слишком большая девочка, чтобы вот так меня держать; но все равно обняла. В тот же миг, когда я оказалась в ее объятиях, меня окутал ее запах.

Этот аромат, резковатый, как запах корицы, запал мне в душу навсегда. Одно время я регулярно навевалась в «Сильван Меркантиль» и перенюхивала все бутылочки с духами, какие там были, пытаясь найти мамин запах. Каждый раз, когда я туда приходила, продащица

парфюмерного отдела строила удивленную мину, восклицая: «Господи ты боже мой, смотрите, кто пришел!» Как будто это не я была там всего неделю назад и не я прошлась по всему ряду бутылочек. *Shalimar, Chanel No. 5, White Shoulders...*

Я спрашивала ее: «Что-нибудь новенькое есть?»

Новенького никогда не было.

Так что для меня стало настоящим потрясением, когда я услышала этот аромат у своей учительницы в пятом классе, а она сказала, что это всего-навсего самый обыкновенный кольд-крем.

В тот день, когда умерла моя мать, на полу, как раз возле заклинившего окна, стоял раскрытый чемодан. Она сновала между ним и шкафом-чуланом, бросая в него то одну свою вещичку, то другую, даже не заботясь их сложить.

Я пошла вслед за ней в чулан и пролезла под подолами платьев и штанинами брюк в темноту, к пыльным катышкам и трупикам мотыльков, к сапогам Ти-Рэя, к которым навсегда пристали садовая грязь и гниловатый персиковый душок. Сунула руки в белые туфли на высоком каблук и хлопнула подметками друг о друга.

Пол чулана подрагивал всякий раз, когда кто-то поднимался по лестнице под ним, и по этому подрагиванию я поняла, что к нам идет Ти-Рэй. Над головой я слышала шум движений матери, срывавшей вещи с плечиков, шелест одежды, лязг проволоки о проволоку. *Скорее, бормотала она.*

Когда его сапоги протопали в комнату, она коротко вздохнула, и воздух вырвался из ее груди так, будто легкие внезапно что-то стиснуло. Это последнее, что запечатлелось в моей памяти с идеальной отчетливостью, – ее выдох опускается на меня, паря, точно крохотный парашютик, и пропадает без следа среди груд обуви.

Я не помню, что они говорили, помню только ярость их слов и то, как сам воздух, казалось, кровоточил и покрывался рубцами. Впоследствии, когда я вспоминала их ссору, они ассоциировались у меня с птицами, оказавшимися внутри запертой комнаты, бросавшимися грудью на окна, стены, друг друга. Я попятилась, забираясь глубже в чулан, ощущая во рту собственные пальцы и их вкус – вкус туфель, вкус босых ног.

Когда меня оттуда выволокли, я не сразу поняла, чьи руки меня тащат, а потом оказалась в материнских объятиях, вдыхая ее запах. Она пригладила мне волосы, сказала: «Не волнуйся...» – но не успела договорить, как меня выдрал из ее рук Ти-Рэй. Донес до двери и выставил в коридор.

– Иди к себе в комнату, – велел он.

– Я не хочу! – закричала я, пытаюсь протиснуться мимо него обратно, туда, где была она.

– Убирайся в свою треклятую комнату! – заорал он и отпихнул меня.

Я отлетела, ударилась о стену, потом упала вперед, на руки и колени. Подняв голову, глядя мимо него, я видела, как она бежит вперед. Бежит к нему и кричит:

– Не трогай ее!

Я жалась в комок на полу у двери и смотрела на них сквозь толщу воздуха, который казался мне исцарапанным. Я видела, как он схватил ее за плечи и стал трясти. Ее голова болталась туда-сюда. Я видела, как побелела у него губа.

А потом – хотя с этого момента в моих воспоминаниях все начинает мутиться – она отшатнулась от него и бросилась в чулан, прочь от его загребущих ручищ, пытаюсь нашарить что-то на полке.

Увидев в ее руке пистолет, я побежала к ней, спотыкаясь, падая, желая спасти ее, спасти нас всех.

И тут время складывается как карточный домик. Все остальное хранится в моей голове кусками, четкими, но бессвязными. Как пистолет блестит в ее руке словно игрушечный. Как

он выхватывает пистолет и размахивает им. Пистолет на полу. Наклоняюсь, чтобы подобрать его. Грохот, который взрывается вокруг нас.

Вот что я знаю о себе. Мама была всем для меня. И я отняла ее у себя.

Мы с Ти-Рэем жили на подступах к южнокаролинскому городку Сильван с населением в 3100 человек. Ларьки с персиками да баптистские церквушки – вот и весь городок.

У въезда на нашу ферму стоял большой деревянный щит, на котором самой отвратной оранжевой краской, какую вы только видели в своей жизни, были намалеваны слова «Персиковая компания Оуэнса». Я эту вывеску ненавидела. Но она была еще ничего по сравнению с гигантским персиком, водруженным на шестифутовый² шест у ворот. Все в нашей школе величали его Большой попой, и это я еще смягчаю формулировку. Телесный цвет, не говоря уже о ложбинке посередине, придавал ему потрясающее сходство с человеческими «тылами». Розалин говорила, что так Ти-Рэй показывает задницу всему миру. Что ж, в этом был весь Ти-Рэй.

Он не пускал меня ни к подружкам с ночевкой, ни на танцы, что меня не особенно волновало, поскольку меня все равно не приглашали ни туда, ни туда. Но он точно так же отказывался возить меня в городок на футбольные матчи, митинги или субботнюю мойку машин, организованную Бета-клубом³. Ему было плевать на то, что я хожу в одежде, которую сшила себе сама на уроках домоводства, в хлопчатобумажных блузках в цветочек с криво пришитыми молниями и юбках ниже колена – в такие обычно рядились только девочки из семей пятидесятников. С тем же успехом я могла носить на спине табличку: не популярна и никогда не буду.

Я не отказалась бы от любой помощи, какую могла предложить мне мода, ибо ни одна живая душа на свете ни разу не сказала мне: «Лили, ты такая красивая девочка!» – если не считать мисс Дженнингс из нашей церкви, которая была слепа как крот.

Я придирчиво рассматривала свое отражение в зеркале, витринах магазинов, экране телевизора, когда он был выключен, пытаюсь как-то исправить свою внешность. Волосы у меня были черные, как у матери, но по сути представляли собой воронье гнездо из непокорных вихров. А еще меня беспокоил слишком маленький подбородок. Я раньше думала, что он отрастет сам – так же как появилась грудь; но ничего такого не случилось. Вот глаза у меня были красивые: как тогда говорили, глаза Софи Лорен. Но все равно, даже тех парней, которые зачесывали волосы в «утиный хвост» и заливали их лаком, а в нагрудном кармане рубашки носили расческу, не тянуло ко мне, несмотря на то, что они были не из богатеньких.

Все, что было у меня ниже шеи, обрело формы, – но этой своей частью я пощеголять не могла. В те времена было модно носить двойки⁴ из кашемира и клетчатые юбки до середины бедра, но Ти-Рэй говорил, что скорее ад превратится в ледяной каток, чем я в таком виде выйду из его дома. Я что, хочу забеременеть, как Битси Джонсон, у которой юбчонка едва задницу прикрывает? – говорил он. Как он узнал о Битси, одному богу известно, но насчет ее юбок это была чистая правда и насчет ребенка тоже. Прискорбное совпадение – вот и все.

Розалин разбиралась в моде еще хуже Ти-Рэя. Когда было холодно, Господи-Боже-помоги-мне, она заставляла меня поддевать под мои пятидесятнические платья длинные рейтузы.

---

² 1,82 м.

³ Национальный клуб для американских школьников 4–12-х классов.

⁴ Комплект из кардигана и джемпера с коротким рукавом.

Ничто на свете не выводило меня так из себя, как кучки шепчущихся девчонок. Шепотки эти затихали, стоило мне пройти мимо. Тогда я начинала отковыривать с тела запекшиеся корочки, а когда таковых не находилось, грызла кожу вокруг ногтей, пока пальцы не превращались в кровоточащий кошмар. Я так беспокоилась о том, хорошо ли выгляжу и правильно ли себя веду, что мне то и дело чудилось, будто я разыгрываю роль какой-то девочки на сцене, а не являюсь ею на самом деле.

Я была уверена, что передо мной забрезжил реальный шанс, когда прошлой весной решила записаться в «школу очарования» при женском клубе. Занятия в школе предполагалось вести по пятницам, во второй половине дня, в течение шести недель. Но меня не взяли, потому что у меня не было ни матери, ни бабушки, ни даже какой-никакой тетушки, – ах, кто же будет вручать мне белую розу на выпускной церемонии? Розалин этого сделать не могла – это было против правил. Я рыдала, пока меня не вырвало в раковину.

– Ты и так достаточно очаровательна, – заявила Розалин, вымывая рвоту из раковины. – И нечего тебе ходить во всякие школы для спесивых дур, чтобы обзавестись очарованием.

– Нет, надо! – заартачилась я. – Там учат всему! Как ходить и поворачиваться, что делать со щиколотками, когда опускаешься в кресло, как садиться в машину, разливать чай, снимать перчатки...

Розалин фыркнула сквозь плотно сжатые губы.

– Боже милосердный, – пробормотала она.

– ... составлять букеты, разговаривать с мальчиками, выщипывать пинцетом брови, брить ноги, наносить губную помаду...

– А блевать в раковину там не учат? Не учат, как делать это очаровательно? – перебила она.

Иногда я от души ее ненавидела.

Утром после той ночи, когда я разбудила Ти-Рэя, Розалин стояла в дверях моей комнаты и наблюдала, как я гоняюсь за пчелой, держа в руках стеклянную банку. Она так выпятила губу, что видна была маленькая, розовая, как рассвет, полоска во рту.

– Что ты задумала делать с этой банкой? – спросила она.

– Наловлю пчел, чтобы показать Ти-Рэю. Он считает, что я все придумала.

– Боже, дай мне сил!

Розалин лущила масляные бобы на веранде, и пот поблескивал на завитках волос вокруг ее лба. Она оттянула перед платья, давая воздуху доступ к груди, большой и пухлой, как диванные подушки.

Пчела села на карту штата, прикрепленную кнопками к стене. Я смотрела, как она ползет вдоль побережья Южной Каролины по Живописному шоссе, 17. Потом грохнула горлышком банки о стену, поймав насекомое где-то между Чарльстоном и Джорджтауном. Когда я пропихнула крышку между горлышком банки и стеной, пчела сорвалась в штопор, снова и снова бросаясь на стекло со щелчками и хлопками, напоминая удары градин, которые порой колотили в окна.

Я как могла украсила банку ворсистыми лепестками, густо обсыпанными пылью, и наткнула гвоздем более чем достаточно дырочек в крышке, поскольку, как мне было известно, любой человек может однажды вернуться в этот мир тем самым существом, которое убил.

Проделав все это, я подняла банку до уровня носа.

– Ну-ка, погляди, как она бьется, – окликнула я Розалин.

Когда она ступила в комнату, ее аромат подплыл ко мне, темный и пряный, как жевательный табак, который она клала за щеку. В руке у нее была плевательница – кувшинчик с горлышком не шире монеты и с ручкой, в которую она просовывала палец. Я смотрела, как Розалин прижала его к подбородку, ее губы округлились и вытянулись точно бутон, а потом она сплюнула в сосуд струйку черной жижи.

Она присмотрелась к пчеле и покачала головой.

– Если она тебя ужалит, не беги ко мне плакаться, – сказала она. – Мне и дела до тебя не будет.

Это была ложь.

Я единственная знала, что, несмотря на всю ее резкость, сердце у нее было нежнее цветочного лепестка, и любила она меня сверх всякой меры.

Я поняла это только в восемь лет, когда она купила мне в магазине раскрашенного к Пасхе цыпленка. Я обнаружила его в углу цыплячьего загончика, он был цвета темного винограда и рыскал вокруг печальными маленькими глазенками, ища свою мать. Розалин позволила мне забрать его домой и выпустить прямо в гостиную, где я высыпала для него на пол целую коробку овсяных хлопьев, а она и слова не сказала.

Цыпленок уделал весь дом капельками помета в сиреневую полосу – наверное, от краски, насквозь пропитавшей его хрупкий организм. Мы только-только начали подтирать их, и тут в дом ворвался Ти-Рэй, грозясь сварить из него суп на ужин и уволить Розалин за то, что она такая «дура». Он принялся было ловить цыпленка своими ручищами, черными от тракторного масла, но Розалин встала у него на пути, незыблемая как скала.

– Есть в этом доме вещи и похуже цыплячьего дерьма, – сказала она и смерила его взглядом с ног до головы. – Ты к этой мелочи не прикоснешься!

Его сапоги уныло шаркали, пока он брел прочь по коридору. Я подумала: *она меня любит*, – и это был первый раз, когда мне в голову пришла такая завиральная идея.

Возраст Розалин был тайной за семью печатями, поскольку свидетельства о рождении у нее не было. Годом своего рождения она называла то 1909, то 1919 год – в зависимости от того, насколько старой чувствовала себя в данный момент. Вот насчет места она была уверена: это был Макклелланвилль, штат Южная Каролина, где ее мама плела корзины из сахарного тростника и торговала ими у обочины дороги.

– Прямо как я торгую персиками, – сказала я ей.

– Тебе и не снилось так торговать, – фыркнула она. – У тебя же нет семерых детей, которых ты кормишь со своей торговли.

– У тебя что, *шестеро* братьев и сестер?!

Я-то думала, у нее на целом свете никого нет, кроме меня.

– Было шестеро, да, но я знать не знаю, где хоть один из них.

Она выгнала мужа из дома через три года после того, как они поженились. За пьянство.

– Если б его мозги да пичуге какой, та пичуга летала бы хвостом наперед, – говаривала она.

Я часто гадала, что делала бы та пичуга, будь у нее мозги Розалин. И решила, что половину времени она бы гадила людям на голову, а другую половину насиживала брошенные кладки в чужих гнездах, широко растопыривая крылья.

В одних моих фантазиях она была белой, выходила замуж за Ти-Рэя и становилась моей настоящей матерью. В других фантазиях я была негритьяной-сиротой, которую она нашла на кукурузном поле и удочерила. Время от времени я воображала, как мы живем в какой-нибудь другой местности, вроде Нью-Йорка, где она смогла бы меня удочерить, и при этом мы обе могли бы сохранить свой природный цвет кожи.

Мою мать звали Деборой. Я думала, что это самое красивое имя, какое мне приходилось слышать в своей жизни, хоть Ти-Рэй и отказывался его произносить. Если же его произносила я, у него делался такой вид, будто он сейчас пойдет прямо на кухню и кого-то там прирежет. Однажды я спросила у него, когда ее день рождения и какую глазурь на торте она предпочитала. Он велел мне заткнуться, а когда я задала тот же вопрос во второй раз, схватил банку ежевичного варенья и швырнул ее о кухонный буфет. И по сей день на этом буфете красовались синие пятна.

Однако мне все же удавалось выудить из него кое-какие обрывки сведений. Например, что моя мать похоронена в Виргинии, откуда были родом ее родители. Я разволновалась, когда услышала это, думая, что смогу найти там свою бабушку. Нет, сказал он мне. Ее мать умерла давным-давно от естественных причин. Однажды он наступил в кухне на таракана и потом рассказал мне, что моя мать часами выманивала из дома тараканов, прокладывая дорожки из кусочков маршмеллоу и крошек от печенья. Что она становилась совершенно чокнутой, когда речь шла о спасении насекомых.

Тоска по ней просыпалась во мне по самым неожиданным поводам. Например, из-за спортивного лифчика. Кого мне о нем спрашивать? И кто, кроме матери, мог бы понять, как важно отвезти меня на отбор в команду юных болельщиц? Могу сказать вам совершенно точно, Ти-Рэй этого не понимал. Но знаете, когда я тосковала по ней сильнее всего? В тот день, когда мне исполнилось двенадцать и я проснулась с пятном цвета розового лепестка в трусах. Я так гордилась этим цветочком, а показать его не могла ни одной живой душе, кроме Розалин.

Вскоре после этого я нашла на чердаке бумажный пакет, скрепленный у горловины степлером. Внутри обнаружили последние следы, оставленные моей матерью.

Там была фотография женщины, стоящей перед старой машиной, улыбающейся, в светлом платье с подплечниками. Выражение ее лица словно предостерегало: «Не смей брать в руки эту фотографию», – но видно было, что она хочет, чтобы ее взяли. Вы не представляете, какую историю я прочитала по этой фотографии! Как она ждала у автомобильного бампера – не очень-то терпеливо – прихода своей любви.

Я положила эту фотографию рядом со своей, сделанной в восьмом классе, и стала придирчиво сверять их, выискивая все возможные сходства. У нее тоже оказался слишком маленький подбородок, но, несмотря на это, она была хороша собой, лучше среднего, и это вселило в меня искреннюю надежду на будущее.

В том же пакете лежала пара белых бязевых перчаток, чуть пожелтевших от времени. Вынув их, я подумала: *здесь, внутри, были ее руки*. Сейчас это кажется мне глупостью, но как-то раз я набила эти перчатки ватными шариками и всю ночь проспала с ними в обнимку.

Но самым таинственным предметом в пакете была маленькая деревянная иконка – образ Марии, матери Иисуса. Я узнала ее, несмотря на то что кожа ее была черна, лишь на тон светлее, чем у Розалин. Мне казалось, что кто-то вырезал фотографию этой чернокожей Марии из книжки, наклеил на отшлифованную дощечку примерно двух дюймов⁵ в поперечнике и покрыл лаком. На обороте рука неизвестного вывела: «Тибурон, Ю.К.».

Уже два года я хранила эти вещи в жестяной коробке, зарыв ее в саду. Там, в длинном туннеле между деревьями, было одно особенное место, о котором не знал никто, даже Розалин. Я стала ходить туда раньше, чем научилась завязывать шнурки. Поначалу это было просто укромное убежище, где я пряталась от Ти-Рэя и его злобы или от воспоминаний о том дне,

---

⁵ 5,08 см.

когда разрядился пистолет. Но потом я стала ускользать туда, после того как Ти-Рэй завалился спать, чтобы просто полежать в тишине и покое под деревьями. Это был мой клочок земли, мой личный закуток.

Я сложила ее вещи в жестяную коробку и однажды поздним вечером при свете фонарика закопала там, поскольку держать ее у себя в комнате, даже задвинув подальше в ящик стола, было страшно. Я боялась, что Ти-Рэй может подняться на чердак, обнаружить, что ее вещи пропали, и в поисках этого пакета перевернуть всю мою комнату вверх дном. Мне и думать не хотелось, что он со мной сделает, если обнаружит их спрятанными среди моих вещей.

Время от времени я ходила в свое тайное место и откапывала коробку. Ложилась на землю там, где деревья смыкались надо мной, натягивала ее перчатки, улыбалась ее фотографии. Изучала надпись «Тибурон, Ю.К.» на обороте иконки с чернокожей Марией, необычный наклон букв и гадала, что это за место такое. Однажды я искала его на карте, и оказалось, что до Тибурона не больше двух часов езды. Может быть, моя мать жила там и купила эту картинку? Я всегда обещала себе, что когда-нибудь, когда стану достаточно взрослой, поеду туда на автобусе. Я хотела побывать везде, где когда-либо бывала она.

После утра, занятого ловлей пчел, я провела день в ларьке на шоссе, торгуя персиками Ти-Рэя. Для девочки не придумать летней работы тоскливее, чем торчать на обочине в коробке с тремя стенами под плоским железным навесом. Я сидела на ящике из-под кока-колы, смотрела, как мимо проносятся пикапы, и травилась выхлопными газами вперемешку со скукой. Обычно четверг был «большим персиковым днем», когда женщины готовились печь воскресные коблеры⁶, но сегодня никто у ларька не останавливался.

Ти-Рэй не позволял мне брать с собой книги. Даже если удавалось унести какую-нибудь книжку тайком, к примеру «Потерянный горизонт»⁷, спрятав ее под блузкой, кто-нибудь вроде миссис Уотсон с соседней фермы, встретив Ти-Рэя в церкви, непременно докладывал: «Видела я вашу дочку в персиковом ларьке: она читала, ничего вокруг не замечая. Вы должны ею гордиться». А он потом норовил прибить меня до полусмерти.

Да что это за человек такой, который против *чтения*? Наверное, он боялся, как бы чтение не заронило мне в голову мысль об учебе в колледже, что он считал пустой тратой денег применительно к девушкам, даже если они – как я, к примеру – получали высший балл на экзамене по словесности. Математика – это да, дело иное, но нельзя же быть умницей сразу во всем.

Я была единственной школьницей, которая не стесалась и не роптала, когда миссис Генри задавала нам очередную пьесу Шекспира. Ну, если честно, я притворялась, что стенаю вместе со всеми, но внутренне испытывала такой же трепет, как если бы меня выбрали «персиковой королевой» Сильвана.

Вплоть до появления миссис Генри я полагала, что колледж парикмахеров и визажистов будет потолком моей возможной профессиональной карьеры. Я изучала ее лицо. И как-то раз предложила сделать французский пучок, который, на мой взгляд, очень бы ей подошел. На что она ответила (цитирую дословно): «Брось, Лили, ты оскорбляешь свой прекрасный интеллект! Ты вообще представляешь, насколько ты умна? Ты могла бы преподавать или писать настоящие книги. Колледж парикмахеров! *Я тебя умоляю!*»

---

⁶ Фруктовый пирог с сочной начинкой.

⁷ Роман Джеймса Хилтона, написанный в 1933 году.

Мне потребовалось не меньше месяца, чтобы оправиться от потрясения, вызванного новыми жизненными перспективами. Вы же знаете, как взрослые любят спрашивать: «Итак... Кем ты будешь, когда вырастешь?» Передать вам не могу, до какой степени я ненавидела этот вопрос. Но теперь вдруг я пристрастилась по собственному почину рассказывать людям – людям, которые и знать этого не хотели, – что я планирую преподавать или писать настоящие книги.

Я стала собирать коллекцию собственных сочинений. Одно время во всем, что я писала, фигурировали лошади. После того как мы в классе прошли Ральфа Уолдо Эмерсона, я написала «Мую нравственную философию», которая задумывалась как начало книги, но осилила только три страницы. Миссис Генри сказала, что мне нужно дожить хотя бы до четырнадцати лет, прежде чем у меня появится своя философия.

Она заявила, что моя единственная надежда на будущее – это стипендия, и на лето давала мне читать свои личные книги. Каждый раз, как я открывала какую-нибудь из них, Ти-Рэй фыркал: «Кем ты себя возомнила – Юлием Шекспиром?» Этот человек был искренне уверен, что именно так звали Шекспира, и если вы думаете, что мне следовало его поправить, то вы ничего не знаете об искусстве выживания. Еще он называл меня Мисс-Сопливый-Нос-В-Книжке, а иногда Мисс-Эмили-Большая-Больная-Голова. Ти-Рэй имел в виду Эмили Дикинсон, но, опять же, есть вещи, которые просто необходимо пропускать мимо ушей.

В персиковом ларьке, если не было книжки, я часто проводила время за стихосложением, но в тот бесконечно тягучий день мне не хватало терпения рифмовать слова. Я просто сидела и думала, как ненавижу этот персиковый ларек, как абсолютно всей душой я его ненавижу.

Накануне того дня, когда я пошла в первый класс, Ти-Рэй застал меня в персиковом ларьке. Я бездумно ковыряла гвоздем один из его персиков.

Он шел ко мне, сунув большие пальцы рук в карманы; глаза его были сощурены от солнца настолько, что казались полузакрытыми. Я смотрела, как его тень скользит по земле и сорнякам, и думала, что он пришел наказать меня за испорченный персик. Я даже не понимала, зачем это сделала.

Но вместо этого он сказал:

– Лили, завтра ты идешь в школу, так что тебе нужно кое-что узнать. О твоей матери.

На миг все умолкло и застыло, словно ветер умер, а птицы перестали летать. Когда он присел на корточки передо мной, мне показалось, что я провалилась в жаркую тьму и не могу выбраться.

– Пора тебе узнать, что с ней случилось, и я хочу, чтобы ты услышала это от меня. Не от людей, которые болтают всякое-разное.

Мы никогда об этом не разговаривали, и меня вдруг пробрало дрожью. Воспоминание о том дне возвращалось ко мне в самые неожиданные моменты. Заклинившее окно. Ее запах. Звяканье вешалок. Чемодан. То, как они ссорились и кричали. А главное – пистолет на полу, тяжесть в ладони, когда я его подняла.

Я знала, что взрыв, который я слышала в тот день, убил ее. Этот звук до сих пор порой пробирался мне в голову и каждый раз заставлял врасплох. Иногда мне казалось, что, когда я держала пистолет в руках, никакого звука вообще не было, будто он раздался позже. Но в другие моменты, когда я сидела в одиночестве на заднем крыльце, скучая и маясь бездельем, или изнывала у себя в комнате в дождливый день, я чувствовала, что это я была его причиной. Когда я подняла пистолет, звук разорвал комнату и продырявил наши сердца.

Это было тайное знание, которое выскакивало на поверхность и ошарашивало меня. Я пускалась бежать – даже если шел дождь, я все равно бежала – вниз по холму к своему секретному месту в персиковом саду. Ложилась там прямо на землю, она меня успокаивала.

И вот теперь Ти-Рэй загреб горсть земли и позволил ей просыпаться между пальцами.

– В тот день, когда твоя мать умерла, она наводила порядок в чулане, – сказал он.

Я не могла объяснить странный тон его голоса, неестественное его звучание, словно он вдруг стал – почти, да не совсем – *добрым*.

Наводила порядок в чулане. Я никогда не задумывалась о том, что моя мать делала в последние минуты своей жизни, почему она была в чулане, из-за чего они ссорились.

– Я помню, – сказала я. Мой собственный голос показался мне тоненьким и далеким, словно доносился из муравьиной норки в земле.

Его брови поехали вверх, и он подался ближе ко мне. Его растерянность выдали только глаза.

– Ты – *что*?

– Я помню, – повторила я. – Вы кричали друг на друга.

Его лицо закаменело.

– Точно помнишь? – спросил он.

Его губы побелели – тот самый признак, которого я всегда остерегалась. Я попятилась.

– Черт побери, да тебе было-то всего четыре года! – заорал он. – Ты сама не знаешь, что ты там помнишь!

В последовавшем за этой вспышкой молчании я подумывала было соврать ему, сказать: *Беру свои слова обратно. Я ничего не помню. Расскажи мне, что случилось.* Но во мне волной поднялась мощная потребность, которая копилась так долго – потребность поговорить об этом, высказать все вслух.

Я уставилась на свои туфли, на гвоздь, который уронила, когда увидела, что он приближается.

– Там был пистолет.

– Иисусе, – пробормотал он.

Он долго-долго смотрел на меня, потом подошел к большим корзинам, составленным друг на друга в задней части ларька. Простоял там с минуту, сжимая кулаки, потом повернулся и вышел обратно на свет.

– Что еще? – спросил он. – А ну, рассказывай немедленно, что еще ты знаешь!

– Пистолет был на полу...

– И ты подобрала его, – перебил он. – Полагаю, это ты помнишь.

Звук взрыва эхом пронесся в моей голове. Я бросила взгляд в сторону персикового сада, испытывая страстное желание сорваться с места и убежать.

– Я помню, как подобрала его, – сказала я. – Но ничего больше.

Он наклонился, взял меня за плечи и легонько встряхнул:

– Ты больше ничего не помнишь? Ты уверена? Давай подумай!

Я так долго молчала, что он наклонил голову набок и с подозрением уставился на меня.

– Нет, сэр, это все.

– Слушай меня, – велел он, впиваясь пальцами в мои предплечья. – Мы ссорились, как ты и сказала. Мы сначала тебя не видели, потом повернулись, а ты уже стоишь и держишь пистолет. Ты подобрала его с пола. А потом он просто выстрелил.

Он отпустил меня и засунул руки глубоко в карманы. Я слышала, как он звенит в них ключами и мелочью. Мне так захотелось ухватиться за его ногу, ощутить, как он наклоняется и поднимает меня, прижимает к груди! Но я не могла пошевелиться, и он тоже не мог. Он смотрел в какую-то точку поверх моей головы. В какую-то точку, которую изучал со всем возможным тщанием.

– Полицейские задавали много вопросов, но это был просто ужасный несчастный случай. Так бывает. Ты не хотела этого делать, – сказал он мягко. – Но если кому-то станет интересно, вот как оно было на самом деле.

А потом он развернулся и двинулся обратно в сторону дома. Сделал всего несколько шагов и обернулся:

– И больше не ковыряй гвоздем мои персики!

Было уже больше шести вечера, когда я, не продав за весь день ни единого персика, пришла домой из ларька и обнаружила Розалин в гостиной. Обычно к этому времени она уже уходила домой, но сейчас сражалась с антенной на телевизоре, пытаясь что-то сделать со «снегом» на экране. Президент Джонсон то появлялся, то исчезал, теряясь в метели помех. Я ни разу не видела, чтобы Розалин настолько заинтересовалась телепрограммой, что была готова тратить ради нее силы.

– Что случилось? – спросила я. – Атомную бомбу сбросили?

С тех пор как мы в школе начали отрабатывать порядок действий при бомбардировке, я не могла не думать о том, что мои дни сочтены. Все строили противорадиационные убежища на заднем дворе, запасали воду в канистрах, готовились к концу света. Тринадцать моих одноклассников выбрали для самостоятельной работы по естествознанию макеты противорадиационных укрытий, и это показывает, что беспокоилась не только я. Мы были одержимы мистером Хрущевым и его ракетами.

– Нет, бомбу никто не взрывал, – покачала она головой. – Слушай, иди сюда, может быть, у тебя получится наладить телевизор.

Ее кулаки, упертые в бока, почти исчезли в щедрой плоти.

Я накрутила на усы антенны фольгу. Экран прояснился достаточно, чтобы можно было разобрать президента Джонсона, как раз занимавшего место за столом. Со всех сторон его окружали какие-то люди. Президент не вызывал у меня особых симпатий: мне не нравилось, как он трепал за уши своих биглей. Зато меня восхищала его жена, Леди птичка⁸, которая всегда выглядела так, будто больше всего на свете хотела расправить крылья и улететь прочь.

Розалин подтащила табурет поближе к телевизору и села. Сиденье практически исчезло под ней. Она всем телом подалась к экрану, взволнованно ухватив ткань юбки и комкая ее в руках.

– Да что такое происходит? – спросила я, но она была настолько увлечена происходящим, что даже не ответила.

На экране президент пытался поставить свою подпись на листе бумаги, чтобы довести начатое до конца, ему понадобилось не меньше десяти перьевых ручек.

– Розали-ин!

– Тссс, – шикнула она, отмахиваясь от меня.

Пришлось узнавать, в чем дело, от телекомментатора.

– Сегодня, второго июля тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, – говорил он, – в Восточном зале Белого дома президент Соединенных Штатов подписал Закон о гражданских правах...

Я перевела взгляд на Розалин, которая сидела, трясла головой и бормотала:

– Господи, помилуй!

---

⁸ По легенде, прозвище «Леди птичка» (*Lady Bird*) супруга Линдона Джонсона, Клаудия Альта Джонсон, получила от няни.

Вид у нее был такой же неверящий и счастливый, как у людей в телевикторине, когда они отвечают на вопрос стоимостью в 64 000 долларов.

Я не знала, то ли радоваться за нее, то ли тревожиться. После церковных служб прихожане только и говорили, что о неграх да о том, получают ли они свои гражданские права. **Кто побеждает – команда белых или команда цветных? Словно это было состязание не на жизнь, а на смерть.** Когда священник из Алабамы, преподобный Мартин Лютер Кинг, в прошлом месяце был арестован во Флориде за то, что хотел поесть в ресторане, мужчины из нашей церкви ликовали так, словно команда белых победила в бейсбольном чемпионате. Я знала, что смиренно они нынешнюю новость не примут – ни за что на свете.

– Аллилуйя, Иисусе! – повторяла Розалин снова и снова, сидя на своем табурете. Словно в забыты.

Розалин оставила на плите ужин – свою знаменитую тушеную курицу. Накладывая еду на тарелку Ти-Рэя, я раздумывала, как бы поднять деликатный вопрос моего дня рождения, на который Ти-Рэй за все годы моей жизни ни разу не обратил внимания. Но я все равно каждый раз, как дурочка, преисполнялась надежд, думая, что уж в *этом-то* году все будет иначе.

Мой день рождения совпадал с днем рождения Соединенных Штатов Америки, из-за чего обратить на него внимание было еще труднее. Я, когда была маленькой, думала, что люди запускают фейерверки и ракеты в мою честь: *Ура, сегодня родилась Лили!* Потом реальность расставила все по местам, как это обычно и бывает.

Я хотела сказать Ти-Рэю, что любая девочка была бы рада серебряному браслету с подвесками; что, более того, в прошлом году я была единственной девочкой в средней школе Сильвана, которая осталась без такого браслета; что весь смысл обеда в школьной столовой заключался в том, чтобы стоять в очереди, помахивая рукой, демонстрируя всем желающим свою коллекцию подвесок.

– В общем, – начала я, ставя перед ним тарелку, – у меня день рождения в эту субботу.

И стала смотреть, как он вилок отделяет куриное мясо от косточки.

– Я тут подумала, что мне бы очень хотелось серебряный браслетик, один из тех, которые есть у нас в торговом центре...

Дом скрипнул – с ним такое случалось время от времени. За дверью громко гавкнула Снаут, а потом стало так тихо, что я слышала, как зубы во рту Ти-Рэя перемалывают еду.

Он доел куриную грудку и принялся за ножку, время от времени поднимая на меня тяжелый взгляд.

Я открыла было рот, чтобы спросить: *ну, так что там насчет браслета?* – но поняла, что он уже дал ответ, и от этого во мне поднялась этакая тихая печаль: свежая, нежная и на самом-то деле не имевшая ничего общего с браслетом. Теперь мне кажется, что печалилась я по скрежету, который издавала его вилка, скребя по тарелке, по тому, как этот звук разрастался и увеличивал дистанцию, разделявшую нас, по тому, что меня словно вообще не было в комнате.

Той ночью я лежала в постели, прислушиваясь к щелчкам, трепету и шуршанию в банке с пчелами, дожидаясь, пока наступит достаточно поздний час, чтобы можно было незаметно

улизнуть в сад и выкопать жестянку, в которой хранились вещи моей матери. Мне хотелось полежать в саду, позволив ему обнимать меня.

Когда тьма выкатила луну на вершину неба, я поднялась с постели, натянула шорты и блузку-безрукавку и в тишине заскользила мимо комнаты Ти-Рэя, двигая руками и ногами, как фигуристка на льду. Я не видела его сапог, не видела, что он бросил их прямо посреди коридора. Когда я запнулась о них и упала, грохот падения так сотряс воздух в доме, что храп Ти-Рэя сменил ритм. Поначалу он даже смолк, но потом с тремя поросычьими всхрюкиваниями возобновился.

Я прокралась вниз по лестнице в кухню. Когда ночь коснулась моего лица, мне захотелось рассмеяться. Луна налилась и превратилась в идеальный круг, настолько полный света, что вокруг всех предметов появился янтарный ореол. Цикады поддали жару, и я побежала, ступая босыми ногами по траве.

Чтобы добраться до моего места, надо было выбрать восьмой ряд влево от тракторного гаража, потом пройти по нему, считая деревья, пока не достигнешь тридцати двух. Жестянка была зарыта в мягкой земле под деревом, достаточно неглубоко, чтобы ее можно было выкопать руками.

Смахнув землю с крышки и откинув в сторону, я увидела вначале белизну перчаток, потом фотографию, по-прежнему обернутую вошеной бумагой, – так, как я ее и оставила. И, наконец, ту странную дощечку с изображением Марии с темным ликом. Я вынула все вещи из коробки и, растянувшись на земле среди опавших персиков, пристроила их себе на живот.

Когда я подняла взгляд вверх сквозь паутину древесных ветвей, ночь опрокинулась на меня. И я лишилась своих границ. Казалось, что небо – это моя собственная кожа, а луна – мое сердце, бьющееся там, в темноте. Мелькнула зарница – не угловатая, как обычно, а мягкими золотистыми языками облизнувшая небо. Я расстегнула пуговицы на блузке и распахнула ее, просто пожелав, чтобы ночь опустилась на мою кожу, да так и задремала, лежа там с вещами матери, и воздух оседал на моей груди испариной, а небо полыхало светом.

Я проснулась от треска – кто-то ломился между деревьями. Ти-Рэй! Я подскочила в панике, торопливо застегивая блузку. Мне были слышны его шаги, быстрые, тяжелые; шумные вдохи и выдохи. Опустив взгляд, я увидела на земле материнские перчатки и фотографию с образком. Бросила застегиваться, подхватила их, засуетилась, не в силах сообразить, что делать, как спрятать. Жестянку я оставила прямо в ямке, слишком далеко, чтобы дотянуться.

– Лили-и-и-и! – заорал он, и я увидела, как его тень метнулась ко мне.

Я запихнула перчатки и фотографию с иконкой под резинку шортов, потом трясущимися пальцами потянулась к еще не застегнутым пуговицам.

Не успела я довести начатое до конца, как на меня упал луч света. Ти-Рэй стоял передо мной без рубашки, держа в руке фонарь. Его луч зигзагами метался из стороны в сторону, ослепляя меня, когда попадал в глаза.

– С кем ты тут была?! – рявкнул он, нацелив фонарь на мою полузастегнутую блузку.

– Н-ни с кем, – запинаясь, пробормотала я, подтягивая к груди колени и обнимая их руками, шокированная тем, что он обо мне подумал. Долго смотреть ему в лицо – огромное и пылающее, точно лик Бога – было невозможно.

Ти-Рэй вновь метнул луч фонаря в темноту.

– Кто здесь?! – проревел он.

– Пожалуйста, Ти-Рэй, здесь нет никого, кроме меня!

– А ну, встала, быстро! – гаркнул он.

Я потащилась вслед за ним обратно к дому. Его сапоги избивали землю с такой силой, что мне стало ее жалко. Он не проронил ни слова, пока мы не вошли на кухню, а там сразу вытащил из кладовки крупу.

– От парней только такого и следует ожидать, Лили, – их винить не в чем, – но от тебя я не ожидал. Ты ведешь себя не лучше, чем шлюха!

Он высыпал на сосновый пол горку крупы размером с муравейник.

– Иди сюда и становись на колени.

Я стояла коленями на крупе с тех пор, как мне исполнилось шесть, но так и не привыкла к ощущению стеклянной крошки под кожей. Я приблизилась к кучке теми крохотными шажочками, какими передвигаются девушки в Японии, и опустилась на пол, уговаривая себя не плакать. Но мои глаза уже наливались слезами.

Ти-Рэй сел в кресло и принялся чистить ногти складным ножом. Я переминалась с одного колена на другое, надеясь выгадать одну-другую секунду облегчения, но боль впивалась глубоко под кожу. Я закусила губу – и тут остро ощутила деревянный образок чернокожей Марии под резинкой на поясе. А под ним – вощеную бумагу с вложенной в нее фотографией матери и ее перчатки, прилипшие к моему животу. И вдруг мне показалось, будто моя мать здесь, прижата к моему телу, будто она – это частички изоляции, направленные на мою кожу, помогающие мне впитать всю его злобу.

Следующим утром я проснулась поздно. Едва коснувшись ступнями пола, полезла под матрас проверять, на месте ли мамины вещи, – это был временный тайник, куда я спрятала их до тех пор, пока не представится возможность снова закопать в саду.

Довольная тем, что мои сокровища в безопасности, я побрела в кухню, где и застала Розалин, сметавшую с пола крупу.

Я намазала себе маслом кусок хлеба.

Розалин шуровала метлой, поднимая сквозняк.

– Что случилось? – спросила она.

– Вчера ночью я выходила в сад. Ти-Рэй думает, что я встречалась с каким-то парнем.

– А ты встречалась?

Я в ответ закатила глаза:

– Нет!

– И долго он продержал тебя на крупе?

Я пожала плечами:

– Около часа, наверное.

Она перевела взгляд на мои колени и замерла с метлой в руках. Они распухли от сотен мелких красных рубцов, кровоподтеков размером с булавочную головку, которым предстояло превратиться в синюшные крапины по всей коже.

– Да ты глянь только, дитя! Глянь, что он с тобой сделал! – ахнула она.

За мою жизнь колени подвергались этой пытке столько раз, что я перестала считать ее чем-то необыкновенным; с ней просто приходилось время от времени мириться, как с обычной простудой. Но выражение лица Розалин внезапно разорвало эту привычность в клочки.

Этим я и занималась – разглядывала свои колени, – когда сквозь кухонную дверь, топая, прошел Ти-Рэй.

– Ну-ну, посмотрите-ка, кто тут у нас решил встать с постели! – Он выхватил из моих рук бутерброд и швырнул его в миску Снаут. – Не затруднит ли тебя отправиться в персиковую палатку и немножко поработать? Ты пока еще не королева дня, знаешь ли!

Каким бы невероятным это ни казалось, но вплоть до того момента я думала, что Ти-Рэй, возможно, все-таки меня любит. И бережно хранила в памяти случай, когда я, маленькая, пела в церкви гимны, перевернув псалтирь вверх ногами, а он улыбался мне.

Теперь же я внимательно взгляделась в его лицо. В нем не было ничего, кроме презрения и гнева.

– Пока ты живешь под моим кровом, будешь делать то, что я скажу! – рявкнул он.

Тогда я найду себе другой кров, подумала я.

– Ты меня поняла?

– Да, сэр, поняла, – сказала я.

И действительно, я его поняла. Я поняла, что новый кров сотворит для меня чудеса.

Ближе к вечеру я поймала еще двух пчел. Лежа на животе поперек кровати, я наблюдала, как они летали в банке, круг за кругом, не находя выхода.

Розалин просунула голову в дверь:

– У тебя все в порядке?

– Ага, все нормально.

– Я ухожу. Скажи папе, что завтра не приду, собираюсь в город.

– Ты идешь в город? Возьми меня с собой, – попросила я.

– Это еще зачем?

– Пожалуйста, Розалин!

– Тебе придется всю дорогу идти пешком.

– Не страшно.

– Да там почти ничего и открыто-то не будет, разве что ларьки с петардами да продуктовый магазин.

– Мне все равно! Я просто хочу в свой день рождения вырваться куда-нибудь из дома.

Розалин всмотрелась в меня, словно осев всем телом на тучные ноги.

– Ладно, только у папы отпросись. Я найду за тобой спозаранок.

И отошла от двери. Я окликнула ее:

– А зачем тебе в город?

Она около секунды стояла спиной ко мне, не двигаясь. Когда же повернулась, лицо ее было мягким и изменившимся, словно передо мной была какая-то другая Розалин. Рука ее нырнула в карман, пальцы зашарили, что-то нащупывая. Она вынула сложенный листок, выданный из блокнота, подошла и села рядом со мной на кровать. Я потирала колени, пока она разглаживала бумагу.

Ее имя – Розалин Дейз – было выведено на листке как минимум двадцать пять раз крупным, старательным почерком, как на самостоятельной работе, которую дети сдают в первом классе.

– Это листок, на котором я тренировалась, – пояснила она. – Четвертого июля в церкви цветных проводят встречу для избирателей. Я собираюсь зарегистрироваться, чтобы голосовать.

В животе у меня неприятно екнуло. Вчера вечером по телевизору сообщили, что какого-то мужчину в Миссисипи убили за то, что он зарегистрировался как избиратель, и я собственными ушами слышала, как мистер Басси, один из священников, говорил Ти-Рэю: «Да не вол-

нуйся ты так, их заставят писать свои имена идеальным почерком и не выдадут удостоверения, если они забудут хоть одну черточку или петельку».

Я изучила черточки и петельки в имени Розалин.

– А Ти-Рэй знает, что ты задумала?

– Ти-Рэй! – фыркнула она. – Ти-Рэй вообще ничего не знает.

Он прибрел домой на закате, весь потный после работы. Я встретила его у кухонной двери, сложив руки на груди поверх блузки.

– Я тут подумала, схожу-ка я завтра в город с Розалин. Нужно купить гигиенические принадлежности.

На это он ничего не сказал. Больше всего на свете Ти-Рэй ненавидел женское половое созревание.

Тем вечером мой взгляд упал на банку с пчелами, стоявшую на тумбочке. Бедняжки, сгрудившиеся на дне, едва шевелились, явно жаждая улететь. Тогда мне вспомнилось, как они вылезали из щелей в стенах моей комнаты и кружили просто ради чистой радости полета. Еще мне вспомнилось, что моя мать прокладывала дорожки из крошек от печенья и маршмеллоу, чтобы выманивать тараканов из дома, вместо того чтобы давить их ногами. Сомнительно, что она одобрила бы содержание пчел в банке. Я отвинтила крышку и отложила ее в сторону.

– Можете лететь, – сказала я им.

Но пчелы остались на месте, точно самолеты на взлетной полосе, неуверенные, дадут ли им разрешение на взлет. Они ползали на своих суставчатых ножках, описывая кривую вдоль окружности стекла, словно весь мир ужасался до размеров этой банки. Я постучала по стеклу, даже положила банку набок, но эти чокнутые пчелы не желали никуда лететь.

Они никуда не делись и следующим утром, когда пришла Розалин. В руках она несла «ангельскую пищу» – бисквитный пирог – с четырнадцатью свечками.

– Вот, держи. С днем рождения, – сказала она.

Мы с ней сели за стол и съели по два куска, запивая молоком. Молоко оставило на бархатной тьме ее верхней губы белый полумесяц, который она и не подумала стереть. После мы отправились в дорогу.

До Сильвана было несколько миль⁹ пути. Мы шли по обочине шоссе, Розалин двигалась с неторопливостью двери банковского сейфа, просунув палец в ручку плевательницы. Над деревьями висело марево, и каждый глоток воздуха был пропитан духом переспелых персиков.

– Хромаешь? – спросила Розалин.

Колени болели настолько, что мне было трудно за ней угнаться.

– Немножко.

– В таком случае почему бы нам немножко не посидеть на обочине? – предложила она.

– Да ничего страшного, – заверила я ее. – Все в порядке.

---

⁹ В одной миле – 1,61 километра.

Мимо пронеслась машина, обдав нас тучей горячих выхлопных газов и пыли. Из-за зноя Розалин вся лоснилась от пота. Она то и дело отирала лицо и тяжело дышала.

Мы приближались к Эбенезерской баптистской церкви, прихожанами которой были мы с Ти-Рэем. Ее шпиль торчал посреди купы развесистых деревьев; краснокирпичное здание под ними даже на вид казалось тенистым и прохладным.

– Идем, – сказала я ей, сворачивая на подъездную дорогу.

– Ты куда это собралась?

– Мы можем отдохнуть в церкви.

Воздух внутри был темным и неподвижным, исполосованный косыми лучами света, падавшими с боковых окон – не тех красивых витражей, которые вы сейчас себе представили, а молочно-белесых стеклянных панелей, сквозь которые почти ничего-то и не разглядишь.

Я прошла вперед и села во втором ряду скамей, оставив рядом место для Розалин. Она вынула веер из держателя для молитвенника и принялась рассматривать на нем картинку – белую церковь с улыбающейся выходящей из дверей белой леди.

Розалин обмахивалась, и я ощущала легкие потоки воздуха, слетавшие с ее рук. Она сама никогда не ходила в церковь, но в тех немногих случаях, когда Ти-Рэй позволял мне бывать у нее дома, в лесной хижине, я видела особую полочку с огарком свечи, галькой из ручья, рыжеватым птичьим пером и куском корня Иоанна Завоевателя, а прямо в центре всего этого стояла – просто так, без рамки – фотография женщины.

Впервые увидев ее, я спросила Розалин: «Это ты?» – поскольку, клянусь, эта женщина была один в один она, с курчавой челкой, иссиня-черной кожей, узкими глазами, с телом, расширявшимся книзу и оттого напоминавшим баклажан.

– Это моя мама, – ответила она.

По бокам фотографии, в тех местах, где ее брали пальцами, глянец стерся. Полочка Розалин была как-то связана с религией, которую она придумала для себя, этакой смесью поклонения природе и предкам. Она перестала ходить в Молитвенный дом полной евангельской святости, местную негритянскую церковь, много лет назад, потому что службы там начинались в десять утра и заканчивались только в три часа дня, а такой порцией религии, как она говорила, можно и взрослого человека с ног свалить.

Ти-Рэй говорил, что религия Розалин – полное юродство, и велел мне держаться от нее подальше. Но меня привлекала мысль о том, что Розалин любила речные камушки и перья дятла, а еще у нее была одна-единственная фотография матери, совсем как у меня.

Одна из церковных дверей отворилась, и брат Джеральд, наш священник, вошел в алтарь.

– Помилуй, Боже, Лили, что ты здесь делаешь?

Тут он увидел Розалин и принялся потирать лысину, пребывая в таком волнении, что мне показалось, он вот-вот протрет ее до кости.

– Мы шли в город и зашли сюда, чтобы немного остыть.

Его губы округлились, формируя восклицание «О!», но из них не вылетело ни звука; брат Джеральд был слишком увлечен созерцанием Розалин в его церкви – Розалин, которая не нашла лучшего времени, чтобы выпустить струю слюны в свою плевательницу.

Забавно, как иногда вылетают из головы правила! Розалин не полагалось заходить сюда. Каждый раз, когда кто-то пускал слух, что группа негров собирается помолиться с нами воскресным утром, священники вставали на церковном крыльце, взявшись за руки, чтобы не пустить их. Мы любим их во Господе нашем, говорил брат Джеральд, но у них есть собственные молитвенные дома.

– У меня сегодня день рождения, – сказала я, надеясь направить его мысли в другую сторону.

– Правда? Что ж, поздравляю тебя с днем рождения, Лили. И сколько тебе стукнуло?

– Четырнадцать.

– Спроси его, можно ли нам получить тебе в подарок парочку этих вееров, – подначила меня Розалин.

Он издал тоненький звук – что-то вроде смешка.

– Ну, если мы начнем раздавать веера всем желающим, то в церкви ни одного не останется.

– Она просто пошутила, – заверила я и поднялась со скамьи.

Он улыбнулся, удовлетворенный моим ответом, и проводил меня до самой двери, а Розалин чуть замешкалась позади.

Небо на улице побелело от облаков, и нестерпимое сияние разливалось по всем поверхностям, отчего у меня в глазах заплясали мушки. Когда мы пересекли дворик дома священника и снова вышли на шоссе, Розалин вынула из-за пазухи два церковных веера и, изображая меня, глядящую снизу вверх с невинным выражением, передразнила:

– «О, брат Джеральд, она просто пошутила»!

Мы вошли в Сильван с его худшей стороны. Старые дома, возведенные на фундаменте из шлакоблока. Вентиляторы, вставленные в форточки. Немощные дворы с голой землей. Женщины в розовых бигуди. Собаки без ошейника.

Пройдя пару кварталов, мы приблизились к бензоколонке на углу Вест-Маркет и Парк-стрит, общепризнанному месту сборищ мужчин, у которых было слишком много свободного времени.

Я заметила, что ни одна машина сегодня не заправлялась. Трое мужчин сидели на стульях у гаража, положив на колени лист фанеры. Они играли в карты.

– Крой давай, – сказал один из них, и сдающий, в бейсболке с эмблемой магазина «Семена и корма», хлопнул перед собой картой. Потом поднял голову и увидел нас – меня и Розалин, которая обмахивалась и шаркала ногами, покачиваясь при ходьбе из стороны в сторону.

– Эй, поглядите-ка, кто к нам идет! – воскликнул он. – Ты куда это собралась, черномазая?

Вдалеке трещали праздничные петарды.

– Не останавливайся, – прошептала я. – Не обращай внимания.

Но Розалин, у которой оказалось меньше благоразумия, чем я надеялась, промолвила тем же тоном, каким объясняла бы какой-нибудь трудный вопрос детсадовцу:

– Я иду зарегистрировать свое имя, чтобы голосовать, вот куда я иду!

– Давай, пошли скорее, – поторопила ее я, но она даже не подумала ускорить шаг.

Мужчина, сидевший рядом со сдающим, у которого волосы были зализаны к затылку, отложил карты и глумливо сказал:

– Не, вы слышали, а? У нас тут образцовая гражданочка!

Я слышала неторопливую песню ветра, тихо плывшую по улице за нашими спинами вдоль водосточной канавы. Мы продолжали идти, а мужчины отставили свой импровизированный карточный стол и выступили прямо на край тротуара, поджидая нас, словно были зрителями на параде, а мы – его главной платформой.

– Слышите, вы когда-нибудь видели такую черную черномазую? – спросил сдающий.

А мужчина с зализанными волосами сказал:

– Не-а, и такую здоровенную тоже никогда не видел.

Естественно, третий должен был что-то добавить, и тогда он пригляделся к Розалин, невозмутимо шагавшей вперед, держа в руках веер с нарисованной белой леди, и спросил:

– Где ты взяла этот веер, черномазая?

– Из церкви свистнула, – ляпнула она. Ничтоже сумняшеся.

Как-то раз я вместе со своей церковной группой сплавила на плоту по реке Чаттуга и **теперь вновь испытала это ощущение – когда тебя несет течением, вихрем событий, которые невозможно повернуть вспять.**

Поравнявшись с мужчинами, Розалин подняла свою плевательницу, уже заполненную черной слюной, и спокойно опорожнила ее прямо на носки их ботинок, описывая рукой плавные петельки, словно тренируясь, выводила свое имя – Розалин Дейз.

Пару секунд они просто смотрели на черную жижу, стекавшую с их ботинок, густую, как машинное масло, лупали глазами, пытаясь осмыслить происходящее. Когда они подняли головы, я увидела, что замешательство сменилось на их лицах гневом, а потом и неприкрытой яростью. Они бросились на нее, и все завертелось вихрем. Розалин хватала за руки, она молотила кулаками во все стороны, размахивая повисшими на ней мужчинами, точно дамскими сумочками, а те вопили, требуя, чтобы она извинилась и отчистила их обувь.

– Оттирай давай! – слышала я снова и снова только эти слова. И еще птичьи крики над головой, острые, как иголки, осыпавшиеся с нижних ветвей сосен, источавшие запах хвои. И уже тогда я понимала, что всю жизнь буду содрогаться от этого запаха.

– Вызывай полицию! – крикнул сдающий мужчине, выглянувшему из здания бензоколонки.

К этому моменту Розалин уже лежала распростертая на земле, избитая, вцепившись пальцами в островки травы. Из раны у нее под глазом шла кровь, стекая дорожкой под подбородок, точно слезы.

Приехавший полицейский сказал, что мы должны сесть на заднее сиденье его машины.

– Вы арестованы, – сказал он Розалин. – За нападение, кражу и нарушение спокойствия, – а потом повернулся ко мне: – Когда доберемся до участка, позвоню твоему папе, и пусть он сам с тобой разбирается.

Розалин забралась в машину, подвинулась на сиденье. Я последовала за ней, двигаясь, как она, садясь, как она.

Дверца закрылась. Так тихо, словно это просто воздух легонько вздохнул. В том-то и заключалась вся странность – как такой тихий звук смог накрыть собой весь мир.

Глава вторая

Покинув прежнее гнездо, рой, как правило, пролетает всего несколько метров и останавливается. Пчелы-разведчики ищут подходящие места для основания новой колонии. Со временем одно такое место завоевывает предпочтение, и весь рой взвивается в воздух.

«Пчелы мира»

Полицейского, который вез нас в тюрьму, звали Эйвери Гастон, но заправщик бензоколонки называл его Ботинком. Загадочное прозвище, поскольку в его ботинках не было ничего примечательного, да и в ногах тоже, насколько я могла судить. Единственной бросавшейся в глаза чертой его внешности были уши – совсем детские, похожие на вяленые абрикосы. Я разглядывала их с заднего сиденья и гадала, почему ему не дали прозвище, например, Ушастик.

Трое мужчин ехали вслед за нами в зеленом пикапе с ружейной стойкой в кузове. Каждые пару минут они буквально нависали над нашим бампером и сигналили клаксоном. Я всякий раз подскакивала на месте, и Розалин успокаивающе поглаживала меня по ноге. Перед «Вестерн-Авто» они затеяли новую игру: поравнялись с нами и начали что-то выкрикивать в окна, что именно – разобрать мы не могли, поскольку стекла в машине были подняты. Людям, сидящим на заднем сиденье полицейской машины, не положены такие привилегии, как дверные ручки и стеклоподъемники. Так что нам повезло ехать в тюрьму в удушающей жаре, наблюдая, как губы мужчин двигаются, произнося вещи, которых мы не слышали, – и были этому рады.

Розалин смотрела прямо перед собой и делала вид, что эти мужчины – мелкие мошки, жужжащие у москитной сетки кухонной двери. Вот только я чувствовала, как дрожат ее ноги, превращая все заднее сиденье в виброкушетку.

– Мистер Гастон, – позвала я, – эти люди ведь не с нами едут?

В зеркальце заднего вида мелькнула его улыбка:

– Трудно сказать, что могут сделать мужчины, которых настолько допекли.

Незадолго до Мейн-стрит это развлечение им наскучило, они прибавили газу и уехали вперед. Мне вздохнулось легче, но, когда мы остановились на пустой парковке за полицейским участком, они уже поджидали нас на заднем крыльце. Тот, кто сдавал карты, хлопывал по ладони ручным фонариком. Двое других держали в руках церковные веера, помахивая ими.

Когда мы вышли из машины, мистер Гастон надел на Розалин наручники, защелкнув их у нее за спиной. Я подошла к ней так близко, что почувствовала, как с ее кожи испаряется влага.

Не дойдя до мужчин десять ярдов¹⁰, она встала как вкопанная, отказываясь идти дальше.

– Ну, слушайте, не заставляйте меня доставать пистолет, – процедил мистер Гастон.

Обычно полицейским в Сильване приходилось пользоваться оружием только тогда, когда их вызывали отстреливать во дворах гремучих змей.

– Пойдем, Розалин, – попросила я. – Да что они с тобой сделают на глазах у полицейского?

И тут тот, кто сдавал карты, взметнул фонарик над головой и резко опустил вниз, хрястнув Розалин по лбу. Она рухнула на колени.

---

¹⁰ 9,1 м.

Я не помню, чтобы что-то кричала, но когда снова начала себя осознавать, ладонь мистера Гастона зажимала мне рот.

– Тихо, – шикнул он.

– Может, теперь тебе захочется извиниться, – сказал раздающий.

Розалин силилась подняться на ноги, но без помощи рук это была безнадежная затея. Поднять ее смогли только мы с мистером Гастоном.

– Ты все равно извинишься, черномазая, не мытьем, так катаньем, – с угрозой сказал раздающий и вновь шагнул к Розалин.

– Придержи-ка коней, Франклин, – бросил ему мистер Гастон, ведя нас к двери. – Не время еще.

– Я не успокоюсь, пока она не извинится!

Это был его последний выкрик, а потом мы вошли в здание участка, и у меня возникло почти непреодолимое желание упасть на колени и расцеловать тюремный пол.

Я представляла себе тюрьмы только по вестернам в кинотеатрах, и эта была совершенно на них не похожа. Прежде всего, стены в ней были выкрашены в розовый цвет, а на окне висели занавески в цветочек. Оказалось, мы вошли через квартиру, отведенную для тюремного надзирателя. Его жена выглянула на шум из кухни, не переставая смазывать маслом форму для кексов.

– Вот, привел тебе еще пару ртов на прокорм, – сказал ей мистер Гастон, и она вернулась к своим делам. Сочувственной улыбки нам не досталось.

Он провел нас в переднюю часть участка, где друг против друга в два ряда выстроились камеры, все как одна пустые. Мистер Гастон снял с Розалин наручники и протянул ей полотенце, которое захватил из ванной комнаты. Она прижимала его к голове, пока он, сидя за столом, заполнял бумаги, а потом долго искал ключи от ящика для документов.

В тюрьме пахло застарелым перегаром. Он завел нас в первую камеру в первом ряду, где кто-то нацарапал на скамье, прикрученной к одной из стен, слова «Дерьмовый трон». У всего происходящего был отчетливый привкус нереальности. **Мы в тюрьме, думала я. Мы в тюрьме.**

Когда Розалин убрала от головы полотенце, я увидела рану длиной в дюйм¹¹, уже начавшую опухать, высоко над бровью.

– Очень болит? – спросила я.

– Побаливает, – ответила она.

Розалин два или три раза обошла камеру по кругу, потом опустилась на скамью.

– Ти-Рэй нас отсюда вытащит, – неуверенно сказала я.

– Угу.

Она больше ни слова не проронила до тех пор, пока примерно через полчаса мистер Гастон не отворил дверь камеры.

– Выходи, – сказал он.

Лицо Розалин на миг озарилось надеждой. Она даже начала вставать. Он отрицательно покачал головой:

– Ты никуда не идешь. Только девочка.

У двери я вцепилась в решетку камеры, точно она была рукой Розалин.

---

¹¹ 2,54 см.

– Я вернусь, обязательно! Договорились?.. Договорились, Розалин?

– Иди уже, я справлюсь.

И выражение ее лица было загнанным – настолько, что едва не добило меня.

Стрелка спидометра в грузовике Ти-Рэя скакала и металась так, что я не могла разобрать, показывает она семьдесят или восемьдесят миль¹² в час. Пригнувшись к рулю, он выжимал педаль газа, отпускал и выжимал снова. Бедный грузовик грохотал так, что казалось, крышка капота вот-вот оторвется и слетит, обезглавив в полете пару сосенок.

Как мне представлялось, Ти-Рэй так торопился домой, чтобы превратить его в пыточную камеру и насыпать пирамиды из крупы. А я буду переходить от одной кучи к другой, часы напролет простаивая на коленях с перерывами только на посещение туалета. Мне было все равно. Я не могла думать ни о чем, кроме Розалин, оставшейся в тюрьме.

Я покосилась на него:

– А как же Розалин? Ты должен ее вытащить...

– Радуйся, что я тебя оттуда вытащил! – рявкнул он.

– Но она не может там оставаться...

– Она облила табачной жижей троих белых мужчин! О чем она, черт возьми, только думала?! Да еще самого Франклина Пози, Христос помилуй! Она не могла кого понормальнее выбрать? Он же самый злобный негроненавистник во всем Сильване. Да он ее прикончит сразу, как только увидит!

– Да быть не может, – возразила я. – Ты же не имеешь в виду, что он прямо так возьмет и *убьет* ее!

– Что я имею в виду – что меня не удивит, если он взаправду ее кокнет.

Мои руки, засунутые в карманы, вмиг ослабели. Франклин Пози – мужчина с фонариком, и он непременно убьет Розалин. Но с другой стороны, разве в душе я не знала этого еще прежде, чем Ти-Рэй сказал это вслух?

Он поднялся вслед за мной по лестнице. Я шла намеренно неторопливо, внутри меня вдруг начал нарастать гнев. Как он мог так вот бросить Розалин в тюрьме?

Когда я вошла в комнату, он остановился на пороге.

– Я должен пойти разобраться с выплатой сборщикам, – сказал он. – Не смей выходить из комнаты. Ты меня поняла? Сиди здесь и думай о том, что я вернусь и разберусь с тобой. Подумай об этом хорошенько.

– А ты меня не пугай, – пробормотала я, в основном себе под нос.

Он уже повернулся, собираясь уйти, но при этих словах резко крутанулся ко мне:

– Что ты там вякнула?

– А ты меня не пугай, – повторила я, на этот раз громче.

Изнутри меня рвалось на свободу смелое чувство, дерзкое *ничто*, прежде запечатое в груди.

Он шагнул ко мне, занося руку, словно намереваясь дать мне пощечину.

– Ты за языком бы своим последила!

– Ну, давай ударь меня! – завопила я.

Когда он размахнулся, я отдернула голову. Он промахнулся.

Я бросилась к кровати и забралась на самую ее середину, тяжело дыша.

---

¹² 112,6 или 128,7 км.

– Моя мать больше никогда не позволит тебе меня коснуться! – выкрикнула я.

– *Твоя мать?* – Его лицо побагровело. – Ты думаешь, этой чертовке было не насрать на тебя?

– Мама любила меня! – крикнула я.

Он запрокинул голову и издал натужный, злой смешок.

– Это... Это не смешно, – бросила я.

Тогда он бросился к кровати, уперся кулаками в матрац, приблизив свое лицо к моему настолько, что я разглядела крохотные поры, из которых росли волоски у него на коже. Я отшатнулась назад, к подушкам, вжалась спиной в изголовье.

– Не смешно?! – заорал он. – Не смешно? Почему же, я смешнее в жизни ничего не слыхивал! Ты думаешь, что мать – твой ангел-хранитель! – Он снова рассмеялся. – Да этой женщине было наплевать на тебя!

– Это неправда, – возразила я. – *Неправда.*

– А тебе-то откуда знать? – бросил он, по-прежнему нависая надо мной. Остатки ухмылки кривили уголки его рта.

– Я тебя ненавижу! – крикнула я.

Это стерло улыбку с его лица в один миг. Он заледенел.

– Так, значит, маленькая сучка, – выговорил он. Губы его побелели.

Внезапно по мне скользнул ледяной холод, словно что-то опасное проникло в комнату. Я бросила взгляд на окно и почувствовала, как дрожь пробежала вдоль позвоночника.

– А теперь послушай меня, – сказал он убийственно спокойным голосом. – Правда в том, что твоя жалкая мамаша сбежала и бросила тебя. В тот день, когда она умерла, она вернулась, чтобы забрать свои вещи, вот и все. Можешь ненавидеть меня сколько хочешь, но это *она* тебя бросила.

В комнате стало абсолютно тихо.

Он стряхнул что-то с полочки рубашки и пошел к двери.

Даже после его ухода я не шевелилась – только поглаживала пальцем полосы света на кровати. Звук его шагов, прогрохотавших вниз по лестнице, замер. Я вытащила подушки из-под покрывала и обложила ими, словно автомобильной камерой, которая могла поддержать меня на плаву. Я была способна понять, почему она ушла от него. Но уйти от *меня*? Эта мысль пустила бы меня на дно навеки.

Банка, в которой были пчелы, теперь стояла опустевшая на тумбочке. Видно, с утра пчелы наконец оправились настолько, что смогли улететь. Я потянулась и взяла банку в руки, из глаз у меня хлынули слезы, которые я сдерживала, наверное, не один год.

Твоя жалкая мамаша сбежала и бросила тебя. В день своей смерти она вернулась, чтобы забрать вещи, вот и все.

Господь Бог и Иисус, заставьте его забрать эти слова обратно.

Воспоминание навалилось на меня. Чемодан на полу. Их ссора. Мои плечи начали сотрясаться – странно, неудержимо. Я вжимала банку в себя, в ложбинку между грудями, надеясь, что она поможет мне успокоиться, но не могла перестать трястись, не могла перестать плакать, и это пугало. Словно меня сбила машина, приближения которой я не заметила, и теперь я лежала на обочине дороги, пытаюсь понять, что случилось.

Я села на край постели, снова и снова воспроизводя в памяти его слова. И каждый раз щемящая тоска скручивала меня в том месте, где положено быть сердцу.

Не знаю, сколько я так присидела, чувствуя себя разбитой на куски. Наконец подошла к окну и стала смотреть на персиковые деревья, протянувшиеся на половину расстояния до Северной Каролины, на то, как они поднимали свои листовые руки в жесте чистой мольбы. Кроме них вокруг было только небо, воздух и безлюдное пространство.

Я посмотрела на пчелиную банку, которую по-прежнему сжимала в руке, и увидела, что на ее доньшко натекло слез около столовой ложки. Я отцепила край сетки на окне и вылила их на улицу. Ветер подхватил капли на свой подол и стряхнул на выгоревшую траву. *Как она могла меня бросить?* Я простояла так несколько минут, глядя на мир, пытаюсь понять. Доносилось пение каких-то пичужек – такое совершенное.

Вот тогда-то до меня и дошло: *А что, если бегство моей матери – неправда? Что, если Ти-Рэй все это придумал, чтобы наказать меня?*

У меня едва голова не закружилась от облегчения. Вот именно! Так оно наверняка и есть. Это я к тому, что мой отец был второй Эдисон, когда надо было изобрести очередное наказание. Однажды, когда я огрызнулась в ответ, он сказал, что моя любимица, крольчиха Мадмуазель, умерла, и я проплакала всю ночь, а на следующее утро обнаружила ее живой и здоровой в крольчатнике. Должно быть, и сейчас он тоже все выдумал. Есть вещи, невозможные в этом мире. У детей не может быть сразу двух родителей, отказывающихся их любить. Один – возможно, но, ради милосердия, не двое!

Должно быть, дело было так, как он говорил прежде: она прибиралась в чулане в тот день, когда произошел несчастный случай. Люди ведь все время прибираются в чуланах.

Я поглубже вздохнула, успокаиваясь.

У меня никогда прежде не было настоящего религиозного откровения – такого, когда знаешь, что с тобой говорит голос, знакомый, но не твой собственный, говорит так явственно, что видишь, как его слова изливают сияние на деревья и облака. Но такой момент настиг меня как раз тогда, когда я стояла в своей собственной обыкновеннейшей комнате. **Я услышала голос, который сказал: Лили Мелисса Оуэнс, твоя банка открыта.**

За считанные секунды я поняла, что должна делать: *уйти*. Я должна была убраться подальше от Ти-Рэя, который, наверное, в эту самую минуту возвращался домой, чтобы бог весть что со мной сделать. Не говоря уже о том, что я должна была выволить Розалин из тюрьмы.

На часах было без двадцати три. Я нуждалась в надежном плане, но не могла позволить себе роскошь рассиживаться и продумывать его. Я схватила свой розовый парусиновый вещмешок, который планировала брать с собой на вечеринки с ночевкой, если бы только кто-то пригласил меня. Взяла тридцать восемь долларов, которые заработала, продавая персики, и сунула их в мешок вместе с семью своими лучшими трусами, у которых на задней части напечатаны названия дней недели. Побросала туда же носки, пять пар шорт, топы, ночную рубашку, шампунь, щетку для волос, зубную пасту, зубную щетку, резинки для волос, то и дело поглядывая в окно. Что еще? Мазнув взглядом по висевшей на стене карте, я сорвала ее одним движением, не позаботившись вытащить кнопки.

Сунула руку под матрац и вытащила фотографию матери, перчатки и деревянный образок чернокожей Марии, и тоже сунула их в мешок.

Вырвав листок бумаги из прошлогодней тетрадки по английскому, я написала записку, короткую и деловитую: «Дорогой Ти-Рэй! Не стоит меня искать. Лили. P. S. Люди, которые лгут, как ты, должны гнить в аду».

Глянув в очередной раз в окно, я увидела, что Ти-Рэй направляется от сада к дому, сжав кулаки, наклонив голову вперед, точно бык, желающий кого-нибудь забодать.

Я поставила записку стоймя на трюмо и на миг задержалась в центре комнаты, гадая, увижу ли я ее еще когда-нибудь.

– Прощай, – сказала я, и из моего сердца пробился тоненький росток печали.

Оказавшись снаружи, я высмотрела прореху в сетке, которой был обтянут фундамент. Протиснувшись в нее, я исчезла там, в темно-лиловом сумраке и пронизанном паутинками воздухе.

Сапоги Ти-Рэя прогремели по веранде.

– Лили! Ли-лиииии! – услышала я его голос, разносившийся над половицами дома.

И вдруг я увидела Снаут, обнюхивавшую то место, куда я заползла. Я попятилась глубже во тьму, но она почуяла мой запах и разгавкалась от всей своей косматой души.

Ти-Рэй выбежал из дома, держа в руке мою скомканную записку, наорал на Снаут, велел ей заткнуться, и рванул с места в своем грузовике, задымив выхлопными газами всю подъездную дорогу.

Второй раз за день идя по заросшей сорняками полосе вдоль шоссе, я думала о том, насколько старше меня сделало четырнадцатилетие. За считанные часы я начала чувствовать себя на все сорок.

Дорога впереди была пуста, насколько хватало взгляда. Местами из-за знойного марева казалось, что воздух идет волнами. Если бы я сумела освободить Розалин – это было такое большое «если», размером с планету Юпитер, – то куда бы мы тогда направились?

И вдруг я застыла на месте. *Тибурон, Южная Каролина*. Конечно! В городок, название которого было написано на обороте дощечки с чернокожей Мадонной. Я же сама намеревалась когда-нибудь попасть туда, верно? Это было идеальное решение: моя мать там бывала. А может быть, даже знала кого-то из тамошних жителей, достаточно любивших ее, чтобы подарить чудесную картинку с матерью Иисуса. И кому пришлось бы в голову нас там искать?

Я присела на корточки у кювета и развернула карту. Тибурон был как карандашная точка рядом с большой красной звездой Колумбии, столицы Южной Каролины. Ти-Рэй наверняка будет наводить справки на автобусной станции, так что нам с Розалин придется добираться на попутках. Вряд ли это будет особенно трудно. Стой себе на шоссе с поднятой рукой, и кто-то да сжалится над тобой.

Я едва миновала церковь, и тут мимо проехал брат Джеральд в своем белом «Форде». Я увидела, как мигнули красным тормозные огни. Он сдал назад.

– Я так и думал, что это ты, – сказал он в окошко. – Куда направляешься?

– В город.

– Опять? А мешок зачем?

– Я... кое-какие вещички несусь Розалин. Она в тюрьме.

– Да, я знаю, – сказал он, распахивая пассажирскую дверцу. – Забирайся, я и сам туда еду.

Никогда еще мне не приходилось ездить в машине проповедника. Не то чтобы я ожидала увидеть тысячу библий, сваленных на заднее сиденье, но все же меня немного удивило то, что внутри она оказалась точь-в-точь такой же, как любая другая машина.

– Вы едете повидаться с Розалин? – спросила я.

– Мне позвонили из полиции и попросили выдвинуть против нее обвинение в краже церковной собственности. Говорят, что она взяла пару наших вееров. Ты что-нибудь об этом знаешь?

– Да всего-то два веера...

Он тут же переключился на проповеднический тон:

– В глазах Бога не имеет значения, два это веера или две сотни! Кража есть кража. Она спросила, можно ли ей взять веера, я сказал «нет» на чистом английском языке. Она все равно их взяла. Так вот, это грех, Лили!

Благочестивые люди всегда действовали мне на нервы.

– Но она же глуха на одно ухо, – с жаром возразила я. – Наверное, не расслышала, что вы сказали. Она вечно так делает. Вот Ти-Рэй скажет ей: «Погладь мне *две* рубашки», а она возьмет да переглядит *все* рубашки.

– Проблема со слухом... Ну, я этого не знал, – кивнул он.

– Розалин ни в жизнь бы ничего не украла!

– Мне сказали, она напала на мужчин у заправочной станции.

– Все было не так, – заверила я. – Видите ли, она пела свой любимый гимн: «Где были вы, когда распинали Господа моего?» Я не верю, что эти люди христиане, брат Джеральд, потому что они стали кричать на нее, велели заткнуться и перестать петь эту идиотскую песенку про Иисуса. А Розалин им: «Можете обзывать меня, но не богохульствуйте на Господа нашего Иисуса». А они все равно не послушались. Тогда она вылила им на ботинки жижу из своей плевательницы. Может, она и была неправа, но она-то сама считала, что Иисуса защищает.

Я вспотела так, что промокла от блузки до бедер.

Брат Джеральд пожевывал губу. Я видела, что сказанное мной на самом деле заставило его задуматься.

Мистер Гастон был в участке один. Он сидел за столом и ел вареный арахис, когда мы с братом Джеральдом переступили порог. Скорлупа была разбросана по всему полу – вполне в духе мистера Гастона.

– Твоей цветной здесь нет, – сказал он, глядя на меня. – Я отвез ее в больницу, чтобы ей наложили швы. Она упала и ударилась головой.

Упала она, значит, пропади ты пропадом! Мне захотелось схватить его миску с арахисом и швырнуть о стену.

Я не смогла сдержаться и заорала:

– То есть как это – упала и ударилась головой?!

Мистер Гастон посмотрел на брата Джеральда, они обменялись тем всепонимающим взглядом, каким обмениваются мужчины, когда в поведении женщины возникает хоть малейший намек на истерику.

– Успокойся сию минуту, – велел он мне.

– Я не смогу успокоиться, пока не узнаю, все ли у нее в порядке, – сказала я чуть тише, но голос у меня все равно подрагивал.

– Все у нее хорошо. Просто легкое сотрясение. Полагаю, сегодня к вечеру она уже вернется сюда. Врач хотел понаблюдать ее пару часов.

Пока брат Джеральд объяснял, что не может подписать документы на арест, учитывая, что Розалин почти глуха, я начала отступать к двери.

Мистер Гастон метнул в меня предупреждающий взгляд.

– Ее в госпитале охраняет наш человек, и он не разрешает никому видаться с ней, так что отправляйся-ка домой. Поняла меня?

– Да, сэр. Я иду домой.

– Вот и иди, – сказал он. – Если узнаю, что ты у больницы околачиваешься, я снова позвоню твоему отцу.

Мемориальная больница Сильвана представляла собой приземистое кирпичное строение в два крыла: одно для белых, другое для чернокожих.

Я вошла в пустынный коридор, в котором витало слишком много запахов – гвоздики, старческого тела, растирки на спирту, освежителя воздуха, желатинового десерта из красных ягод. В окнах «белого» отделения торчали кондиционеры, но здесь не было ничего, кроме электрических вентиляторов, гонявших душный воздух с места на место.

У поста медсестер стоял, привалившись к стойке, полицейский. Вид у него был точно как у школьника, прогуливающего физкультуру и выбежавшего на перемене покурить с грузчиками из магазина. Он разговаривал с девушкой в белом. Как я догадалась, это была медсестра, но на вид ненамного старше меня. «Я сменяюсь в шесть», – донеслись до меня его слова. Она стояла и улыбалась, заправляя за ухо прядку волос.

В противоположном конце коридора у одной из палат стоял пустой стул. Под ним лежала полицейская фуражка. Я тихонько поспешила туда и увидела на двери табличку: «Посещения запрещены». И тут же шагнула внутрь.

В палате стояли шесть коек, все пустые, кроме самой дальней у окна. Матрац и постельное белье на ней задрались, изо всех сил стараясь выдержать вес пациентки, занимавшей койку. Я бросила вещмешок на пол.

– Розалин?

На голове у нее была намотана марлевая повязка размером с детский подгузник, а запястья привязаны к раме койки.

Увидев меня, Розалин заплакала. За все годы, что она за мной присматривала, я ни разу не видела на ее лице ни слезинки. А теперь дамбу прорвало. Я гладила ее по чему попало – по руке, ноге, щеке.

Когда запас ее слез наконец иссяк, я спросила:

– Что с тобой случилось?

– После того как ты ушла, полицейский по прозвищу Ботинок разрешил тем мужчинам войти в камеру, чтобы получить свои извинения.

– И они снова тебя избили?

– Двое держали меня за руки, а третий бил – тот, что с фонариком. Он сказал мне: «Черномазая, а ну, говори, что извиняешься». Я не стала извиняться, и он на меня набросился. Он бил меня до тех пор, пока полицейский не сказал ему, мол, хватит. Но никаких извинений они не получили.

Мне хотелось, чтобы эти люди умерли в аду, моля о глотке воды со льдом, но я рассердилась и на Розалин. *Почему ты не могла просто извиниться? Тогда, может быть, Франклин Поззи только поколотил бы тебя да и успокоился.* А так она добилась лишь того, что они гарантированно вернуться.

– Тебе надо выбираться отсюда, – сказала я, отвязывая ее руки.

– Не могу же я просто *уйти*, – возразила она. – Я до сих пор в тюрьме.

– Если останешься здесь, они вернуться и добьют тебя. Я не шучу. Они убьют тебя, как убили тех цветных в Миссисипи. Даже Ти-Рэй так сказал.

Она села, и больничная рубашка поползла вверх по ее ляжкам. Розалин попыталась натянуть ее на колени, но она снова съезжала, точно резиновая. Я нашла в шкафу ее платье и подала ей.

– Вот же безумие... – начала было она.

– Надень платье. Просто сделай это.

Она натянула его через голову и встала. Повязка съехала ей на лоб.

– Повязку придется оставить здесь, – сказала я.

Размотала ее и обнаружила два ряда швов, сделанных кетгутовой нитью. Потом, жестом попросив Розалин не шуметь, я чуточку приоткрыла дверь, проверяя, вернулся ли на свой пост полицейский.

Вернулся. Естественно, смешно было надеяться, что он будет крутить шуры-муры с медсестричкой так долго, что мы сумеем убежать. Я простояла у двери пару минут, пытаюсь придумать какой-нибудь план, потом открыла вещмешок, порылась в деньгах, вырученных за персики, и вынула пару десятицентовиков.

– Я попытаюсь от него избавиться. Приляг пока на койку – на случай, если ему вздумается сюда заглянуть.

Розалин уставилась на меня, сощурилась так, что они превратились в точки.

– Иисусе Христе... – пробормотала она.

Когда я шагнула в коридор, полицейский подскочил от неожиданности.

– Здесь не положено находиться!

– Да я не знала! – затараторила я. – Я ищу свою тетку. Мне сказали, она в палате сто два, но здесь только какая-то цветная... – Я покачала головой, изображая растерянность.

– Ну да, ты не туда попала. Тебе нужно в другое крыло. Ты оказалась в крыле для цветных.

Я робко улыбнулась ему:

– Ой...

В «белой» половине я нашла рядом с зоной ожидания таксофон. Добыла телефон больницы из справочника и набрала его, попросив соединить с постом медсестер в крыле для цветных.

Откашлялась.

– Это жена тюремного надзирателя из полицейского участка, – сказала я снявшей трубку девушке. – Мистер Гастон хочет, чтобы вы прислали полицейского, отряженного в охрану, обратно в участок. Скажите ему, что к нам едет проповедник, чтобы подписать документы, а мистер Гастон не сможет присутствовать, потому что ему надо немедленно уехать. Так что будьте добры, передайте, чтобы он прибыл как можно скорее...

Я произносила эти слова и одновременно думала о том, что теперь мне самое место в исправительной школе или в изоляторе для несовершеннолетних правонарушительниц, и окажусь я там, по всей видимости, очень скоро.

Медсестра повторила мне все это слово в слово, чтобы убедиться, что правильно меня поняла. Из трубки донесся ее вздох:

– Я ему передам.

Она ему передаст! Я с трудом могла в это поверить.

Прокравшись обратно в цветное крыло, я наклонилась над фонтанчиком с питьевой водой и слушала, как девушка в белом все это рассказывает полицейскому, бурно жестикулируя. Увидела, как он надел фуражку, миновал коридор и вышел за дверь.

Когда мы с Розалин вышли из палаты, я посмотрела налево, потом направо. Нам предстояло миновать пост медсестер на пути к выходу, но девушка в белом, казалось, ничего не замечала вокруг себя, поскольку увлеченно что-то писала.

– Иди так, словно ты посетительница, – шепотом велела я Розалин.

Когда мы были на полпути к стойке, девушка перестала писать и встала.

– Вот параша... – прошептала я, схватила Розалин за руку и потянула в ближайшую палату.

На койке сидела крохотная женщина, старая, похожая на птичку, со сморщенным личиком цвета ежевики. Когда она увидела нас, у нее приоткрылся рот и язык загнулся, точно поставленная не на то место запятая.

– Мне бы водицы, – попросила она.

Розалин подошла к тумбочке, налила из кувшина воды и протянула женщине стакан, в то время как я, прижав вещмешок к груди, выглядывала в коридор.

Я проследила, как медсестра скрылась за дверью одной из палат дальше по коридору, держа в руках какую-то стеклянную емкость.

– Идем, – шепнула я Розалин.

– Уже уходите? – окликнула нас старушка.

– Да, но я, наверное, вернусь еще до заката, – сказала Розалин, обращаясь скорее ко мне, чем к старушке.

На этот раз мы не стали прикидываться посетительницами, а рванули оттуда со всех ног.

На улице я взяла Розалин за руку и потянула к тротуару.

– Ну, раз ты все уже решила, то, наверное, знаешь, куда нам идти, – выразительно сказала она.

– Мы идем к шоссе номер сорок и доедем на попутке до Тибурона, это тоже в штате Южная Каролина. По крайней мере, попытаемся.

Я повела ее обратно к окраине городка, срезав путь через городской парк, по переулочку к Ланкастер-стрит, потом через три квартала к Мэй-Понд-Роуд, где мы вышли на пустырь позади «Бакалеи Гленна».

Сквозь заросли «кружева королевы Анны», как у нас называют дикую морковь, и какие-то пурпурные цветы на толстых стеблях мы пробирались вперед, к стрекозам и аромату каролинского жасмина, такому насыщенному, что казалось, стоит приглядеться – и увидишь, как он завивается в воздухе, точно золотистый дым. Розалин не спрашивала меня, зачем мы собираемся в Тибурон, а я не стала говорить. Зато она спросила о другом:

– Когда это ты начала употреблять слово «параша»?

Я никогда не ругалась, хоть и слышала немало бранных слов от Ти-Рэя, да и читала их на стенках общественных уборных.

– Мне уже четырнадцать. Полагаю, я имею право его употреблять, если хочется, – отрезала я, и мне в ту же минуту захотелось. – Параша! – громко выпалила я.

– Параша, адово пламя, проклятие и сукин сын, – подхватила Розалин, произнося каждое слово со смаком, точно лакомый кусочек.

Мы стояли на обочине шоссе номер сорок в клочке тени от полинялого билборда с рекламой сигарет *Lucky Strike*. Я поднимала руку при приближении каждой машины, но все они только прибавляли газу, едва завидев нас.

Цветной мужчина за рулем побитого жизнью грузовичка-«шеви», кузов которого был наполнен дынями-кantalупами, сжалился над нами. Я забралась в кабину первой, и мне пришлось все тесниться да тесниться, пока Розалин усаживалась у окошка.

Водитель сказал, что едет в Колумбию навестить сестру, а дыни везет на фермерский рынок штата. Я в ответ рассказала, что собираюсь в Тибурон, чтобы навестить тетку, а Розалин едет вместе со мной, чтобы помочь тетке по хозяйству. Звучало это неубедительно, но он не стал спорить.

– Могу высадить вас в трех милях¹³ от Тибурона, – предложил он.

Нет печальнее света, чем в закатный час. Мы долго ехали в его отблесках. Затихло все, не считая сверчков и лягушек, которые только-только расходились в сумерках. Я смотрела сквозь ветровое стекло на огненные краски, что заливали небо.

Фермер включил радио, и группа *Supremes* грянула на всю кабину: «Детка, детка, куда ушла наша любовь?» Ничто так не способно напомнить о том, что все, что есть в твоей жизни драгоценного, может слететь с петель, на которые ты с таким тщанием его навешивала, как песня об утраченной любви. Я опустила голову на плечо Розалин. Мне хотелось, чтобы она погладила меня и жизнь снова встала на место, но ее руки неподвижно лежали на коленях.

Через девяносто миль¹⁴ от того места, где мы забрались в грузовик, фермер свернул на обочину у дорожного знака с надписью «Тибурон – 3 мили». Стрелка указывала влево, на дорогу, уходившую извивами прочь, в серебристый сумрак. Выбираясь из кабины, Розалин спросила, можно ли нам взять на ужин одну дыньку.

– Да берите две, – махнул он рукой.

Мы дождались, пока тормозные огни его грузовика не превратятся в пятнышки размером со светляков, и только тогда позволили себе говорить и двигаться. Я пыталась не думать о том, насколько мы теперь несчастные и потерянные. Никак не могла понять, лучше ли это, чем жизнь с Ти-Рэем или даже жизнь в тюрьме. **На всем свете не было ни единой души, способной помочь нам. И все же я чувствовала себя до боли живой**, словно в каждой клетке моего тела трепыхался крохотный язычок пламени, горевший настолько ярко, что обжигал.

– Хорошо еще, что сегодня полнолуние, – сказала я Розалин.

Мы тронулись в путь. Если вы думаете, что за городом по ночам царит тишина, значит, вы никогда не жили в деревне. Хватит и трех лягушек, чтобы пожалеть, что у тебя нет берушей.

Мы все шли да шли, делая вид, что ничего особенного не происходит. Розалин сказала: похоже, у фермера, что подбросил нас сюда, дыни в этом году здорово уродились. Я сказала: удивительно, что комаров нет.

Подойдя к мосту, под которым текла вода, мы решили спуститься к ручью и устроить ночной привал. Там, внизу, была совершенно другая вселенная, вода взблескивала подвижными крапинками света, и переплетения кудзу¹⁵ свисали между соснами, точно гигантские гамаки. Мне вспомнился волшебный лес братьев Гримм, вызывая то же обостренное нервное восприятие, какое возникало у меня, когда я мысленно ступала в страну сказок, где невозможное становится вероятным и никогда не знаешь, чего ожидать...

Розалин расколола канталупы о крупную гальку. Мы съели их, оставив только кожицу, потом стали горстями черпать воду и пить, ничуть не беспокоясь ни о тине, ни о головастиках, ни о том, что верховье ручья коровы могут использовать для туалета. Потом уселись на берегу и посмотрели друг на друга.

– Вот хотелось бы мне знать, с какой радости ты из всех возможных мест выбрала Тибурон, – сказала Розалин. – Я о нем и слыхом не слыхивала.

Хоть и было довольно темно, я вытащила из вещмешка образок Черной Мадонны и протянула ей.

– Эта картинка принадлежала моей матери. На обратной стороне написано: Тибурон, Южная Каролина.

– Поправь меня, если что не так. Ты выбрала Тибурон потому, что у твоей матери была картинка, на обороте которой написано название этого городка... *правильно я понимаю?!*

¹³ 4,83 км.

¹⁴ 144,8 км.

¹⁵ Дикорастущая лиана.

– Ну, ты сама подумай, – предложила я, – должно быть, она в какой-то момент своей жизни побывала там, раз у нее была эта картинка. А если так, кто-то из местных может ее помнить.

Розалин подставила образок под лунный свет, чтобы разглядеть получше.

– И кто это может быть?

– Дева Мария, – ответила я.

– Ну, если ты не заметила, она цветная, – сказала Розалин, но я поняла, что изображение произвело на нее впечатление, потому что она разглядывала его с приоткрытым ртом.

Я почти что читала ее мысли: *Если мать Иисуса – черная, то почему мы знаем только о белой Марии?* Это все равно, как если бы женщины вдруг узнали, что у Иисуса была сестра-близнец, получившая половину генов Бога, но ни капли Его славы.

Она вернула мне образок.

– Полагаю, теперь можно и в гроб ложиться, потому как я уже все повидала.

Я сунула дощечку в карман.

– Знаешь, что сказал Ти-Рэй о моей матери? – спросила я, желая наконец рассказать ей о случившемся. – Он сказал, что она бросила меня и его задолго до того, как умерла. Что в тот день, когда произошло несчастье, она вернулась только за своими вещами.

Я ждала, что Розалин фыркнет, мол, чушь какая, но она смотрела, прищурившись, прямо перед собой, явно обдумывая такую возможность.

– Так вот, это неправда! – сказала я. Мой голос стал выше, словно что-то ухватило его снизу и начало выталкивать в глотку. – А если он думает, что я поверю в эту историю, то у него дырка в так называемых мозгах! Он придумал это, только чтобы меня наказать. Я знаю точно!

Я могла бы добавить, что у матерей есть инстинкты и гормоны, которые не дают им бросать своих детей, что даже свиньи и опоссумы не бросают свое потомство, но Розалин, наконец обдумав вопрос, сказала:

– Наверное, ты права. Зная твоего отца... он на такое вполне способен.

– А моя мать ни за что не смогла бы поступить так, как он сказал, – добавила я.

– Я твою маму не знала, – проговорила Розалин. – Но видела ее иногда издалека, когда выходила из сада после сбора персиков. Она развешивала стираную одежду на веревке или поливала растения, а ты всегда была рядом с ней, играла. Я только раз видела ее одну, когда ты не путалась у нее под ногами.

Я понятия не имела, что Розалин вообще видела мою мать. У меня внезапно стало пусто в голове, не понятно, то ли от голода, то ли от усталости, то ли от этого неожиданного откровения.

– А что она делала в тот раз, когда ты видела ее одну? – спросила я.

– Она была за тракторным сараем, сидела там на земле, уставившись в пустоту. Когда мы прошли мимо, она даже не заметила нас. Помню, мне показалось, что она чуточку грустна.

– Ну а кто не был бы грустным, живя с Ти-Рэем? – сказала я.

И тогда я увидела, как лицо Розалин озарилось, словно лампочкой, этакой вспышкой понимания.

– Ох ты ж, – пробормотала она. – До меня дошло. Ты сбежала из-за того, что твой папочка сказал о твоей матери. Это не имело никакого отношения к тому, что я сидела в тюрьме. Я тут, понимаешь, места себе не нахожу, думая, что ты сбежала и впуталась в неприятности из-за меня, а ты, оказывается, так и так сбежала бы! Что ж, очень мило с твоей стороны, что ты меня просветила.

Она выпятила нижнюю губу и посмотрела в сторону дороги, отчего у меня мелькнула мысль, что сейчас она встанет и вернется тем же путем, каким мы сюда пришли.

– Ну и что ты планируешь делать? – спросила она. – Ходить из города в город, расспрашивая людей о своей матери? Это, что ль, твоя блестящая идея?

– Если бы мне нужен был человек, который критиковал бы меня с утра до ночи, я могла взять с собой Ти-Рэя! – огрызнулась я. – И, к твоему сведению, никаких особых планов у меня нет.

– Ну, когда ты была в больнице, у тебя точно был план. Приходишь туда и говоришь: вот, мы будем делать то-то, и мы будем делать то-то, а я, значит, беги за тобой, как собачка. Ты ведешь себя как моя надсмотрщица. Как будто я – тупица-негритоска, которую ты спасаешь.

Взгляд ее прищуренных глаз был тяжел.

Я вскочила на ноги.

– Это несправедливо!

Гнев вытеснил воздух из моих легких.

– Намерения у тебя были благие, и я рада, что убралась оттуда. Но ты хоть раз меня-то спросить подумала? – сказала она.

– Ах так? Так вот, ты и есть тупица! – заорала я. – Это какой же надо быть тупой, чтобы вот так взять и вылить табачную жижу на ботинки мужчинам! А еще тупее не извиниться, если это спасет тебе жизнь! Они собирались вернуться и убить тебя, а то и что похуже сделать! Я вызволила тебя оттуда, и вот твоя благодарность?! Ну и ладно!

Я содрала с себя кеды, схватила вещмешок и вошла в ручей. Холод моментально вгрызся в мои голени. Я не хотела оставаться с ней даже на одной планете, не то что на одном берегу ручья.

– Отныне ищи свою дорогу сама! – крикнула я через плечо.

На противоположном берегу я плюхнулась на поросшую мхом землю. Мы устали друг на друга через русло ручья. В темноте Розалин напоминала валун, который формировали пятьсот лет бурь. Я легла на спину и закрыла глаза.

Во сне я снова перенеслась на персиковую ферму, сидела за тракторным сараем, и, хотя дело было ясным днем, в небе висела огромная, круглая луна. Все там, наверху, казалось таким совершенным! Я какое-то время разглядывала ее, потом прислонилась спиной к сараю и закрыла глаза. А потом услышала треск, какой издает река при ледоходе, и, подняв взгляд, увидела, что по луне бегут трещины и она начинает разваливаться. Мне пришлось спастись бегством.

Я проснулась с ноющей болью в груди. Поискала взглядом луну и обнаружила ее, целехонькую, по-прежнему льющую свет в ручей. Бросила взгляд на другую сторону в поисках Розалин. Ее нигде не было.

У меня сердце перевернулось в груди.

Пожалуйста, боже! Я не хотела обращаться с ней как с собачкой. Я пыталась спасти ее. И только!

Нашарив кеды и пытаясь натянуть их, я ощущала ту же застарелую печаль, какую каждый День матери чувствовала в церкви. *Мама, прости.*

*Розалин, ты где? Я подобрала вещмешок и побежала вдоль ручья к мостику, едва сознавая, что плачу. Запнувшись о мертвый опавший сук, плашмя упала во тьму и не стала подниматься. Я представляла Розалин в нескольких милях отсюда, шагающую по шоссе, бормочущую: *Параша, клятая дура-девчонка!**

Подняв голову, я заметила, что дерево, под которым я упала, было почти голым. Только жалкие клочки зелени там и сям да пышная поросль серого мха, свисавшего до самой земли. Даже в темноте было видно, что оно умирает – и умирает в одиночестве посреди всех этих равнодушных сосен. **Таков был всеобщий порядок вещей. Утрата рано или поздно пускает корни внутри всего и прогрызает все насквозь.**

Из ночной тьмы донеслась мелодия без слов. Не какой-то конкретный церковный гимн, но по духу – как раз он. Я пошла на звук и обнаружила посреди ручья Розалин, на которой не было ни нитки. Вода бисером сбегала по ее плечам, сверкая, как капельки молока, а груди

колыхались под напором течения. Такое зрелище не скоро забудешь. Я едва сдержалась – так мне вдруг захотелось подойти и слизнуть молочные капли с ее плеч.

Я открыла рот. Мне чего-то хотелось. Не знаю чего. *Мама, прости.* Это единственное, что я сумела почувствовать. Пренная, застарелая тоска распростерлась подо мной, точно гигантские колени, надежно удерживая меня.

В сторону полетели кеды, шорты, блузка. Я замешкалась было на трусах, потом стянула и их.

Вода вокруг моих ног показалась тающим ледником. Должно быть, я ахнула от этого ледяного ощущения, потому что Розалин подняла глаза и, увидев, как я, нагая, иду к ней по воде, захохотала.

– Ох, видела бы ты себя! Идет такая, сиськами трясет!

Я окунулась рядом с ней, из-за кусачего холода воды невольно задерживая дыхание.

– Я была неправа, – сказала я ей.

– Знаю. Я тоже, – ответила она. Потянулась ко мне и похлопала кругляш моего колена, как ком бисквитного теста.

Благодаря луне ручей просматривался насквозь, до самого дна, покрытого, как ковром, мелкой галькой. Я подобрала один камешек – рыжеватый, округлый, гладкое водяное сердечко. Сунула его в рот, словно пытаюсь высосать из него костный мозг, сколько там его ни было.

Откинувшись назад и опираясь на локти, я опускалась в воду, пока она не сомкнулась у меня над головой. Задержала дыхание и прислушалась к тихому скрежету воды в ушах, погружаясь настолько глубоко, насколько было возможно, в этот мерцающий темный мир. Но думала я по-прежнему о чемодане на полу, о лице, которое никак не могла разглядеть, о сладком запахе кольдкрема.

Глава третья

Новичкам-пчеловодам говорят, что обнаружить неуловимую матку можно, если вначале найти круг ее приближенных.

«Королева должна умереть: и другие дела пчел и людей»

Вторым моим любимым писателем после Шекспира был Торо. Миссис Генри задавала нам читать отрывки об Уолденском пруде, и потом у меня были фантазии о том, как я ухожу в тайный сад, где Ти-Рэй меня никогда не найдет. Я начала ценить матушку-природу, то, что она делала для мира. В моем воображении она была похожа на Элеонору Рузвельт.

Я подумала о ней следующим утром, когда проснулась у ручья на ложе из плетей кудзу. По воде плыла баржа из плотного тумана, и радужно-голубые стрекозы металась туда-сюда, словно сшивая воздух стежками. Это было такое славное зрелище, что я на миг позабыла о тяжелом чувстве, которое носила в себе с тех пор, как Ти-Рэй рассказал мне о моей матери. Я словно оказалась у Уолденского пруда. *Первый день моей новой жизни*, сказала я себе. *Вот что это такое.*

Розалин спала с открытым ртом, и с ее нижней губы тянулась длинная ниточка слюны. По движениям ее глаз под веками я поняла, что она смотрит на тот серебряный экран, на котором появляются и пропадают сны. Ее опухшее лицо сегодня выглядело получше, но при свете дня я заметила еще и фиолетовые синяки на ее руках и ногах. Ни у одной из нас часов не было, но, судя по солнцу, мы проспали большую часть утра.

Розалин будить не хотелось, и тогда я вытащила из вещмешка деревянный образок Мадонны и приставила его к стволу дерева, чтобы как следует рассмотреть. Божья коровка заползла на изображение и уселась на щеке Богоматери, превратившись в прекраснейшую родинку. Мне стало интересно, принадлежала ли Мария к числу любительниц природы, предпочитала ли деревья и насекомых церковному нимбу, надетому на нее.

Я снова легла и попыталась придумать историю о том, почему у моей матери оказалась иконка с чернокожей Марией. Ничего не получилось – вероятно, потому что я ничего не знала о Марии, которой в нашей церкви никогда не уделяли большого внимания. По словам брата Джеральда, ад – не что иное, как костер для католиков. **В Сильване католиков не водилось совсем – одни баптисты и методисты, – но у нас были инструкции на случай, если мы встретимся с ними где-нибудь в странствиях.** Мы должны были предлагать им пятичастный план спасения, а уж их дело было, соглашаться или нет. В церкви нам раздавали пластиковые перчатки, и на каждом пальце был написан свой этап. Начинать надо было с мизинца и двигаться к большому. Некоторые женщины носили свои «перчатки спасения» в сумочках на случай неожиданной встречи с каким-нибудь католиком.

Единственная история о Марии, которая у нас упоминалась, – это история о свадьбе: когда она убедила сына, практически вопреки его воле, сотворить вино из обычной воды. Для меня эта история явилась потрясением, поскольку в нашей церкви вино не одобряли, да и если уж на то пошло, не считали, что у женщин должно быть право голоса в таких вопросах. Единственное, что я сумела предположить, – это что моя мать как-то где-то общалась с католиками, и, должна сказать, это предположение вызвало у меня тайный трепет.

Я сунула картинку в карман, а Розалин все спала, выдувая воздух сквозь дрожащие губы. Я решила, что она может так проспать и до завтра, поэтому стала трясти ее за руку и не сдавалась, пока она не приоткрыла глаза.

– Господи, затекло-то как все! – простонала она. – Такое ощущение, будто меня палкой избили.

– Тебя и вправду избили, помнишь?

– Но не палкой, – уточнила она.

Я подождала, пока Розалин встанет на ноги: это был долгий, невероятно трудный процесс, сопровождавшийся ворчанием, стонами и разминанием конечностей.

– Что тебе снилось? – спросила я, когда она выпрямилась.

Она поглядела на верхушки деревьев, потирая локти.

– Минутку, дай вспомню. Мне снилось, что преподобный Мартин Лютер Кинг-младший опустился на колени и красил мне ногти на ногах своей слюной, и каждый ноготь был рубиново-красным, словно он перед этим сосал леденцы с корицей.

Я думала об этом сне, когда мы двинулись к Тибуруну. Розалин шествовала, точно ноги ее были помазаны миром, точно все окрестные земли принадлежали ее рубиновым ногтям.

Мы дрейфовали мимо серых амбаров, мимо кукурузных полей, явно нуждавшихся в системах полива, и стад коров герефордской породы, медленно пережевывавших жвачку и казавшихся весьма довольными жизнью. Прищурившись и глядя вдаль, я видела фермерские дома с широкими верандами и качели из тракторных покрышек, подвешенные на веревках к ветвям ближайших деревьев; ветряки топырились рядом с ними, их гигантские серебристые лепестки тихонько поскрипывали, когда налетал ветерок. Солнце испекло все до полной готовности, даже ягодки крыжовника, из которого состояли живые изгороди, превратив их в изюм.

Асфальт кончился, и начался гравий. Я прислушивалась к звукам, которые он издавал, царапая подошвы нашей обуви. В ямке, где сходились ключицы Розалин, скопилась лужица пота. Я даже не знала, чей желудок громче жалуется, требуя пищи, мой или ее, а стоило нам тронуться в путь, как до меня дошло, что нынче воскресенье, день, когда все магазины закрыты. Я опасалась, что в итоге мы начнем питаться одуванчиками, выкапывать из земли дикий турнепс и личинок, чтобы не помереть с голоду.

Запах свежего навоза наплывал с полей и время от времени отбивал у меня аппетит, но Розалин сказала:

– Я сейчас и мула бы съела.

– Если удастся найти какое-нибудь открытое заведение, когда доберемся до города, я зайду и куплю нам еды, – пообещала я.

– А ночевать-то где будем? – проворчала она.

– Если у них здесь нет мотеля, придется снять комнату.

Тогда она улыбнулась мне:

– Лили, детка, не будет здесь никакого мотеля, куда пустят цветную женщину. Да будь она хоть Девой Марией, никто не даст ей ночлега, если она цветная.

– Ну а в чем тогда смысл Закона о гражданских правах? – удивилась я, остановившись прямо посреди дороги. – Разве это не означает, что вам должны позволять останавливаться в мотелях и есть в ресторанах, если вы захотите?

– Означать-то означает, да только чтобы люди стали это делать, придется тащить их волоком, а они будут брыкаться да орать.

Следующую милю я прошла в глубокой тревоге. У меня не было никакого конкретного плана, да что там – даже никаких наметок для плана. **Вплоть до этого момента я в общем-то полагала, что мы где-то по дороге наткнемся на волшебное окошко и через него влезем в совершенно новую жизнь.** Розалин же, напротив, коротала здесь время до тех пор, пока ее не поймают. Считая его летними каникулами от тюрьмы.

Что мне было нужно, так это знамение. Мне нужно было, чтобы некий голос заговорил со мной, как вчера, когда я у себя в комнате услышала: *Лили Мелисса Оуэнс, твоя банка открыта.*

Вот сделаю девять шагов и посмотрю вверх. На что бы ни упал мой взгляд, это и будет знаком. Подняв голову, я увидела самолет сельскохозяйственной авиации, пикирующий над полем, на котором что-то росло. За ним тянулся шлейф распыляемых пестицидов. Я никак не могла решить, какая часть этой сцены относится ко мне: то ли я – это растения, спасаемые от вредителей, то ли сами вредители, которые вот-вот погибнут от аэрозоля. Все-таки было маловероятно, чтобы мне предназначалась роль самолета, пролетающего над землей и повсюду на своем пути и спасающего, и обрекающего одновременно.

Я совсем скисла.

Пока мы шли, жара набирала силу, и теперь пот тек с лица Розалин ручьями.

– Как жалко, что тут нет церкви, в которой можно было бы стащить парочку вееров, – вздохнула она.

Издали магазин на краю городка выглядел так, будто ему сто лет, но когда мы до него дошли, я поняла, что на самом деле он еще старше. На вывеске над дверью было написано: «Универсальный магазин и ресторан Фрогмора Стю. С 1854 года».

Вероятно, некогда мимо проезжал генерал Шерман¹⁶ и решил пощадить заведение – только ради его названия, а вовсе не внешнего вида, в этом я была уверена. Вдоль всего фасада тянулась доска с давно устаревшими объявлениями: «Обслуживание “студебеккеров”», «Живая наживка», «Рыбацкий турнир Бадди», «Морозильная фабрика братьев Рэйфорд», «Карабины на оленя, 45 долларов» – и фотографией девушки в головном уборе в форме бутылки кока-колы. Висела там и табличка, оповещавшая о евангельских песнопениях в баптистской церкви Горы Сион, состоявшихся в 1957 году, если это кому интересно.

Больше всего мне понравилась чудесная выставка приколоченных к доске автомобильных номеров из разных штатов. Будь у меня время, я бы все их рассмотрела.

В боковом дворике цветной мужчина снял крышку с костровой ямы для барбекю, переделанной из бочки для бензина, и запах свинины, маринованной в уксусе с перцем, вызвал такой фонтан слюны у меня под языком, что я даже блузку закапала.

Перед заведением были припаркованы несколько легковушек и грузовиков, вероятно, принадлежавших людям, которые не пошли на церковную службу и приехали сюда прямо из воскресной школы.

– Пойду гляну, удастся ли купить поесть, – сказала я.

– И табак. Мне нужен табак, – добавила Розалин.

Она тяжело плюхнулась на скамью у барбекю-бочки, а я вошла сквозь москитную дверь, вбирая смешанные запахи маринованных яиц и опилок, под сень десятков копченных в меду свиных окороков, свисавших с потолка. Ресторан был расположен в задней части заведения, в то время как передняя была отведена под торговлю всем подряд, от стеблей сахарного тростника до скипидара.

– Могу я вам помочь, юная леди?

По другую сторону деревянного прилавка стоял маленький человечек в галстук-бабочке. Его едва было видно за баррикадой из банок с виноградным желе и маринован-

---

¹⁶ Прославленный полководец армии Севера применял тактику «выжженной земли».

ными огурчиками. Голос у него был высокий и пронзительный, а внешность мягкая и утонченная. Я не могла представить его торгующим ружьями на оленя.

– Кажется, я вас прежде не встречал, – заметил он.

– А я нездешняя. Бабушку приехала навестить.

– Мне нравится, когда дети проводят время с бабушками и дедушками, – одобрительно кивнул он. – У стариков можно многому научиться.

– Да, сэр, – подхватила я. – От бабушки я узнала больше, чем за весь восьмой класс.

Он расхохотался, словно лучшей шутки не слышал много лет.

– Вы пришли пообедать? У нас есть воскресное фирменное блюдо – свинина-барбекю.

– Я возьму две порции с собой, – сказала я. – И две кока-колы, пожалуйста.

Дождаясь нашего обеда, я бродила по рядам магазина, запасаясь продуктами для ужина. Пакетики соленого арахиса, сливочное печенье, два сэндвича с сыром пименто в пластиковой упаковке, леденцы с кислой начинкой и банка табака «Красная роза». Все это я выложила на прилавок.

Он вернулся с тарелками и бутылками, посмотрел, покачал головой:

– Прошу прощения, но сегодня воскресенье. Я не могу ничего продать вам из магазина, только из ресторана. Ваша бабушка должна бы это знать. Кстати, как ее зовут?

– Роуз, – ответила я, прочитав надпись на табачной жестянке.

– Роуз Кэмпбелл?

– Да, сэр. Роуз Кэмпбелл.

– Мне казалось, у нее только внуки.

– Не только, сэр, еще и я.

Он прикоснулся к пакетику с карамелью.

– Просто оставьте все это здесь. Я сам потом разложу по местам.

Звякнул кассовый аппарат, из него с лязгом выехал лоток с деньгами. Я порылась в вещмешке, добыла купюру и протянула ему.

– Вы не могли бы открыть мне колу, пожалуйста? – попросила я, и пока он снова навывался на кухню, украдкой бросила в мешок жестянку с табаком и застегнула молнию.

Розалин подверглась побоям, целый день ничего не ела, спала на твердой земле, и кто знает, много ли времени осталось до того момента, когда ее вернут в тюрьму или убьют? Она заслужила свой табак.

Я живо воображала себе, как в один прекрасный день спустя много лет пришло в этот магазин доллар в конверте, чтобы покрыть убыток, сопроводив его письмом о том, как чувство вины отравляло каждый миг моей жизни, и вдруг до меня дошло, что я смотрю прямо на изображение чернокожей Марии. И я имею в виду не просто картинку с изображением какой-то там черной Марии. Я имею в виду картинку, совершенно идентичную той, что принадлежала моей матери. Она смотрела на меня с этикеток доброго десятка банок с медом. «Мед “Черная Мадонна”» – вот что было написано на них.

Дверь распахнулась, и в магазин вошло семейство, явно только что из церкви. Мать и дочь были одеты одинаково, в темно-синие платья с белыми воротничками, как у Питера Пэна. Свет хлынул в дверной проем, дымчатый, волнистый, размыто-желтоватый. Малышка чихнула, и ее мать сказала:

– Иди-ка сюда, давай вытрем тебе носик.

Я вновь перевела взгляд на банки с медом, на янтарный свет, плававший внутри них, и заставила себя дышать спокойно.

Впервые в жизни меня осенило: в мире нет ничего, кроме тайны и ее умения скрываться за тканью наших нищенских, подавленных дней; она сияет ярко, а мы этого даже не знаем.

Я подумала о пчелах, которые по вечерам залетали ко мне в комнату, о том, что они были частью всего этого. И о том голосе, который я слышала накануне, сказавшем мне: «Лили Мелисса Оуэнс, твоя банка открыта», – сказавшем это так же просто и ясно, как женщина в темно-синем платье разговаривала со своей дочерью.

– Ваша кока-кола, – напомнил мне мужчина в галстучке-бабочке.

Я указала на банки с медом:

– Откуда вам это привозят?

Он решил, что отзвук шока в моем голосе на самом деле был возмущением.

– Я понимаю, о чем вы, – затараторил он. – Многие не покупают этот мед, потому что на этикетке у него Дева Мария в облике цветной женщины. Но, видите ли, это потому, что женщина, которая изготавливает этот мед, сама цветная.

– Как ее зовут?

– Августа Боутрайт. Она держит пчел по всему округу.

Дыши, продолжай дышать.

– Вы знаете, где она живет?

– О, конечно! В самом эксцентричном доме – вы другого такого в жизни не увидите. Окрашен в ядрено-розовый цвет, как пепто-бисмол. Ваша бабушка наверняка его знает. Надо пройти через весь город по Мейн-стрит, пока она не повернет к шоссе на Флоренс.

Я шагнула к двери:

– Спасибо.

– Передавайте бабушке от меня привет! – крикнул он вслед.

От храпа Розалин тряслись перекладки скамьи. Я потрясла ее за плечо:

– Просыпайся. Вот твой табак, только сразу положи его в карман, потому что я за него не заплатила.

– Ты что, украла его? – спросила она, позевывая.

– Пришлось, потому что товары из магазина по воскресеньям не продают.

– Твоя жизнь катится прямиком в преисподнюю, – покачала она головой.

Я разложила наш обед на скамье, словно устраивая пикник, но не смогла проглотить ни кусочка, пока не рассказала Розалин о чернокожей Марии на банках с медом и о пчеловоде по имени Августа Боутрайт.

– Тебе не кажется, что моя мать могла ее знать? – спросила я. – Не может быть, чтобы это было простым совпадением.

Она не отвечала, так что я спросила громче:

– Розалин? Ты так не думаешь?

– Не знаю, что и думать, – наконец проворчала она. – Не хочу, чтобы ты слишком заносилась со своими надеждами, вот и все. – Она протянула руку и коснулась моей щеки: – Ох, Лили, куда ж мы с тобой забрались и что наделали?

Тибурон был в точности как Сильван, только без персиков. Перед зданием с куполом, в котором располагался суд, кто-то воткнул в жерло городской пушки флаг Конфедерации. Южная Каролина была в первую очередь Югом и только во вторую – Америкой. Гордость за форт Самтер из нас не выбить, сколько ни старайся.

Шагая по Мейн-стрит, мы то и дело ныряли в длинные голубые тени, отбрасываемые двухэтажными зданиями, тянувшимися вдоль всей улицы. У аптеки я заглянула в витринное стекло, увидела автомат с газированной водой, сверкавший хромированной отделкой, и при-

лавок, где продавали вишневую кока-колу и десерт банана-сплит, и подумала, что вскоре все это уже будет не только для белых.

Мы миновали страховое агентство, офис «Электрической компании округа Тибурон» и магазин «Все по доллару», в котором торговали гимнастическими обручами, очками для плавания и коробками с бенгальскими огнями, а на витрине краской из баллончика были выведены слова: «Летние развлечения». Некоторые учреждения, например Фермерский трастовый банк, выставили в свои витрины плакат «Голдуотера в президенты»; иногда он был дополнен наклейкой на бампер со словами «Одобряем Вьетнам».

У почтового отделения Тибурона я оставила Розалин на тротуаре и вошла в здание, туда, где хранились коробки для посылок и продавались воскресные газеты. Насколько я видела, полицейские плакаты с нашими с Розалин фотографиями нигде не висели, а на первой полосе главной колумбийской газеты была статья о том, что сестра Кастро – агент ЦРУ, и не было ни слова о белой девочке, укравшей негритянку из тюрьмы в Сильване.

Я бросила в прорезь газетного автомата десятицентовик и взяла газету, гадая, нет ли заметки о нас где-нибудь на внутренних страницах. Мы с Розалин присели на корточки в переулке и просмотрели газету, раскрывая каждый разворот. Там было все что угодно – Малкольм Икс, Сайгон, «Битлз», теннисный турнир в Уимблдоне и мотель в Джексоне, штат Миссисипи, который хозяин предпочел закрыть, только бы не принимать постояльцев-негров. Но обо мне и Розалин – ничего.

Порой хочется упасть на колени и возблагодарить Бога на небесах за репортажи обо всех плохих новостях, сколько их ни есть на свете.

Глава четвертая

Медоносные пчелы – насекомые общественные и живут колониями. Каждая колония – это семейная группа, состоящая из одной яйцекладущей женской особи, или матки, и ее многочисленных стерильных дочерей, именуемых рабочими. Рабочие пчелы сообщества занимаются сбором пищи, строительством сот и выводением потомства. Самцов выводят только в те времена года, когда их присутствие необходимо.

«Пчелы мира»

Женщина двигалась вдоль ряда белых ящиков, стоявших на границе с лесом неподалеку от розового дома – розового настолько, что он оставил выжженное пятно на роговице, когда я отвела от него взгляд. Высокая, одетая в белое, в пробковом шлеме с сеткой, которая парила облачком вокруг ее лица, опускалась на плечи и струилась вниз по спине. Чем-то похожая на африканскую невесту.

Приподнимая крышки ящиков, она заглядывала внутрь, одновременно раскачивая взад-вперед жестяное ведерко-дымарь. Облака пчел поднимались и летали, описывая кольца, вокруг ее головы. Дважды она полностью исчезала в этих зыбких тучах, потом постепенно проявлялась, точно сновидение, восстающее со дна ночи.

Мы стояли по другую сторону дороги, я и Розалин, временно лишившись дара речи. Я – от благоговения перед творившимся у меня на глазах таинством, а Розалин – оттого что уста ее были запечатаны жевательным табаком.

– Это та самая женщина, которая делает мед «Черная Мадонна», – сказала я.

Я не могла отвести глаз от нее, Пчелиной хозяйки, портала в жизнь моей матери. *Августы.*

Розалин устало сплюнула струю черной жижи, потом отерла усы испарины над губой.

– Надеюсь, мед она делает лучше, чем краску выбирает.

– А мне нравится, – заявила я.

Мы дождались, когда женщина войдет в дом, потом перешли шоссе и открыли калитку в изгороди из штaketника, едва не опрокидывавшейся под весом каролинского жасмина. Прибавьте к нему лук-резанец, укроп и мелиссу, росшие вокруг веранды, – и их общий запах собьет вас с ног.

Мы поднялись на веранду в розовом отблеске, отбрасываемом домом. Повсюду с гудением мелькали хрущи, изнутри доносились ноты какого-то музыкального инструмента: было похоже на скрипку, только намного печальнее.

Мое сердце забилося быстрее. Я даже спросила Розалин, слышит ли она, как оно бьется, настолько громким был его стук в ушах.

– Ничего я не слышу, вот разве что Господь Бог спрашивает меня, что я здесь забыла. – Она снова сплюнула, как я надеялась, последнюю порцию табачной слюны.

Я постучалась в дверь, а Розалин продолжала бухтеть себе под нос:

– *Дай мне сил... Младенец Иисусе... Последнего ума лишились.*

Музыка смолкла. Краем глаза я уловила легкое движение в окне, в венецианских жалюзи приоткрылась щелка, потом закрылась.

Когда отворилась дверь, за ней оказалась не женщина в белом, а другая, в красном, с волосами, стриженными так коротко, что они напоминали серую купальную шапочку с причудливыми завитушками, туго натянутую на голову. Глаза смотрели на нас подозрительно и сурово. Я заметила, что под мышкой она держит Smychok, точно хлыст. У меня мелькнуло опасение, как бы она не опробовала его на нас.

– Да?

– Это вы – Августа Боутрайт?

– Нет, я Джун Боутрайт, – сказала она, ощупывая взглядом швы на лбу Розалин. – Августа Боутрайт – моя сестра. Вы к ней пришли?

Я кивнула, и одновременно с моим кивком появилась еще одна женщина, босоногая. На ней было бело-зеленое ситцевое платье без рукавов, по всей голове в разные стороны торчали коротенькие косички.

– Я Мэй Боутрайт, – представилась она. – Я тоже сестра Августы. – Женщина улыбнулась нам той странноватой улыбкой, увидев которую сразу понимаешь, что имеешь дело с не вполне нормальным человеком.

Мне хотелось, чтобы «Джун с хлыстом» тоже улыбнулась, но на лице у нее было написано явное раздражение.

– Августа вас ждет? – спросила она, адресуя свой вопрос исключительно Розалин.

Разумеется, Розалин не стала держать язык за зубами:

– Нет, видите ли, у Лили есть такая картинка...

Я перебила ее:

– Я увидела в магазине банку с медом, и тот человек сказал...

– А, так вы пришли за медом! Ну, почему же сразу-то не сказали? Проходите в переднюю залу. Я позову Августу.

Я метнула в Розалин красноречивый взгляд: *Ты что, спятила? Не рассказывай им о картинке!* Точно, надо будет сверить наши легенды.

У одних людей есть шестое чувство, а другие лишены его напрочь. Полагаю, у меня его просто не может не быть, потому что в тот же миг, когда моя нога ступила в этот дом, я ощутила кожей трепет, стремительный ток, который пробежался вверх по позвоночнику, вниз по рукам и пульсом вырвался из подушечек пальцев. Я практически истекала излучением. **Тело понимает многие вещи задолго до того, как их осмыслит разум. И мне стало интересно: что знает мое тело такого, чего не знаю я?**

Повсюду в доме пахло мебельным воском. Кто-то обработал им всю «залу» – большую комнату с ковриками, отделанными бахромой, со старым пианино, накрытым кружевной дорожкой, и плетеными креслами-качалками, застеленными вязаными шерстяными платками. Перед каждым креслом стояли маленькие бархатные скамеечки. *Бархатные*. Я подошла и провела по одной из них рукой.

Потом подошла к раскладному столу-книжке и принялась к восковой свече, которая пахла точно так же, мебельным воском. Она стояла в подсвечнике в форме звезды рядом с не до конца собранным пазлом; что там была за картинка, разобрать не удалось. Широкогорлая бутылка из-под молока с букетом гладиолусов стояла на другом столе под окном. Шторы были из органди, причем не из какой-нибудь там обычной белой органди, а из серебристо-серой, так что воздух, проходящий сквозь них, приобретал слегка дымчатое мерцание.

Представьте себе стены, на которых ничего нет, кроме зеркал. Я насчитала пять, и каждое – в большой бронзовой раме.

Потом я повернулась и посмотрела на дверь, через которую мы вошли. В углу возле нее стояла резная скульптура женщины почти три фута¹⁷ высотой. Это была одна из тех фигур, что

---

¹⁷ 0,9 м.

в былые времена украшали нос кораблей, такая старинная, что, насколько я понимала, вполне могла бы приплыть в Америку на «Санта-Марии» вместе с Колумбом.

Она была чернее черного, вся перекрученная, как морской плавник под действием непогоды; ее лицо было картой всех штормов и путешествий, через которые она прошла. Ее правая рука была воздета, словно указывая путь, вот только пальцы были сжаты в кулак. Оттого вид у нее был весьма серьезный, словно при необходимости она могла поставить на место кого угодно.

Хотя она не была одета как Дева Мария и ничем не напоминала картинку на банках с медом, я сразу поняла, что это она. На ее груди виднелось поблекшее красное сердце, а там, где ее тело некогда сливалось с деревом корабля, был нарисован желтый полумесяц, облупившийся и кривой. Свеча в высоком красном стаканчике отбрасывала отблески и искорки, мерцавшие по всему ее телу. Она казалась одновременно и сильной, и смиренной. Я не знала, что и думать о ней, но *чувство*, которое я ощущала, было магнетическим и большим – до боли, словно этот полумесяц проник в мою грудь и заполнил ее.

Это ощущение мне было знакомо – однажды оно возникло у меня, когда я возвращалась домой от персикового ларька и видела, как солнце струило свой свет под конец дня, заливая верхушки фруктовых деревьев жидким пламенем, в то время как у корней их собиралась темнота. Тишина парила над моей головой, красота множилась в воздухе, а деревья были так прозрачны, что мне казалось, стоит хорошенько приглядеться – и увидишь внутри чистоту. Тогда у меня тоже зануло в груди, совсем как сейчас.

Губы статуи были чуть растянуты в прекрасной повелительной полуулыбке, отчего обе мои ладони сами потянулись к горлу. Все в этой улыбке говорило: «Лили Оуэнс, я вижу тебя насквозь».

Я чувствовала: она знает, сколько во мне на самом деле лжи, убийственности, ненависти. Как я ненавижу Ти-Рэя и девчонок из школы, но главное – саму себя за то, что отняла жизнь у своей матери.

Мне захотелось плакать, а в следующий миг – смеяться, потому что эта статуя заставила меня чувствовать себя Лили-Которой-Дарят-Улыбку, словно и во мне тоже была доброта и красота. Словно у меня действительно был весь тот прекрасный потенциал, которым я обладала, если верить миссис Генри.

Стоя там, я и любила себя, и ненавидела. **Вот что сделала со мной черная Мария – заставила в одно и то же время ощущать и мою славу, и мой позор.**

Я шагнула ближе к ней и уловила слабый аромат меда, исходивший от дерева. Мэй подошла и встала рядом со мной, и теперь я не чуяла ничего, кроме запаха помады от ее волос, репчатого лука от рук, ванили в ее дыхании. Ее ладони были розовыми, как и подошвы ступней, а локти темнее остальной кожи, и по какой-то неясной причине это зрелище наполнило меня нежностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.